

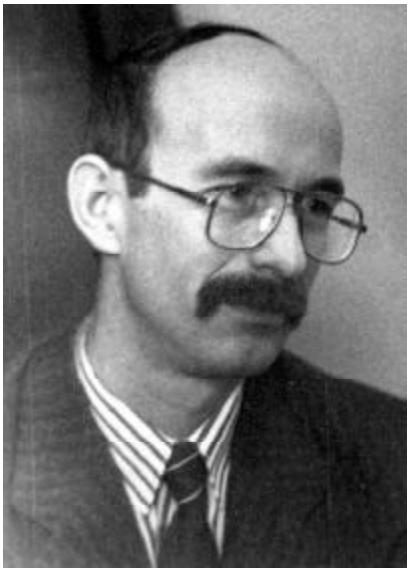
Александр Хлябинов

Фольклорная практика

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Областная писательская организация
Кострома, 2000

Александр Анатольевич Хлябинов родился в 1957 году в деревне Фатьянове Мантуровского района Костромской области. Работал на заводе, служил в армии. Свои первые рассказы написал в 13-14 лет. Будучи в армии, продолжал писать, был корреспондентом дивизионной газеты «Начеку».

В 1982 году окончил филологический факультет Костромского педагогического института. Живет в деревне Усолье Мантуровского района, работает директором средней школы.

Александр Хлябинов — автор сборников рассказов «Соседи» и «Колодец», изданных при финансовой поддержке администрации г. Мантурова и Мантуровского района, многочисленных публикаций в периодической печати и альманахе «Кострома» (в четырех выпусках). Он принимал участие в творческих семинарах и Днях литературы, проводимых областной писательской организацией, а также конференции молодых литераторов Северо-Запада в г. Санкт-Петербурге.

«ЖИЗНЬ — ЭТО ВСЁ-ТАКИ ТО, ЧТО ВСЕГДА...»

На берегу волжского притока Унжи краснокирпичный храм в белеющих строительных лесах — ремонт и реставрация этими лесами засвидетельствованы. Неподалеку за деревьями недавно построенная средняя школа, уютная, обихоженная руками учителей и учеников с чувством меры и красоты. Около двадцати лет назад, сразу же после института, Александр Анатольевич стал директором школы и постепенно «пробивал» строительство нового здания, познавая все невзгоды сельского бытия в узаконенной «неперспективности». При поддержке администраторов, выходцев из этих мест, как видим, труд не пропал даром. Оцененный труд — немаловажное условие для выбора места жительства.

Дом директора школы находится под горой в начале деревни Усолье, обыкновенный, с хозяйственными пристройками и палисадом. У самой дороги. Тесин дом. Свой на учительскую зарплату не выстроишь и за двадцать лет. Вот и теснится директорская семья из пяти человек в старенькой крестьянской избе. Живут дружно, ведут хозяйство, возделывают приусадебный участок — натурально спасаются от безденежья. Бывало, учителя и полгода не получали зарплату. Но не озлобились на директора, настроение не срывали, ученикам своей печали не выказывали.

— Достойные и терпеливые у нас педагоги. Хороший коллектив. Живем педагогическими заботами. Своя жизнь, особенная и в то же время общая — деревенская, — рассказывал Александр Анатольевич при первой встрече, когда костромские писатели приехали в район проводить Дни литературы и, конечно, эту школу не миновали — новый автор ее возглавляет. А жена его Вера Викторовна, учительница начальных классов, взглядывая

на притихших дочерей Настю и Машу, говорила о семейном ладе, о том, что у каждого свои обязанности, при этом и школьный коллектив назвала большой семьей с общими печалями и радостями...

На деревенской длинной улице по дороге от школы к дому директора встречались праздничные школьники разных возрастов, как в давние добрые времена, здоровались с каждым знакомым и незнакомым человеком, охотно отвечали на мои вопросы, радовались: последний день занятий, завтра выедут табеля! Местные жители смотрели вслед уходящим детям, заодно узнавали, приглядываясь из палисадников: кто это там директора приостановил опять?

За взгорьем на шоссе снуют автомобили — по звуку определишь: «товарные» машины, с коммерческими притязаниями и обманным товаром спешат из одного города в другой. Такая жизнь. А здесь — устойчиво особенная, в нарастающем драматизме обделенности и унижения трудов на земле. Добрая душа видит затаенную крестьянскую боль, невысказанную тревогу: что будет завтра с близкими и родными, с этой деревней, с этой землей. Не о том ли повествует автор представленной рукописи? Да, возникают согласные с авторскими вопросы. Каков нынче облик сельского жителя? Что отличает его от разбогатевших и беззаботно вроде бы преуспевающих? Чем спасается обманутый, ограбленный, обездоленный житель дальней провинции? На какой основе преодолевать отчужденность между людьми, расчетливо-потребительское отношение ко всему окружающему, какие ценности оберегают душу, пробуждают лучшие человеческие качества, из чего выстраивается смысл жизни? По каким ориентирам преодолевать дошедшие сюда, преднамеренно взращиваемые, спровоцированные развратительной пропагандой пороки? Вопросы, вопросы... Короткие рассказы, этюды ставят много вопросов, за ними авторское понимание неучитываемой государством жертвенности,аждодневных тихих подвигов. Пониманием и добротой записаны сюжеты А. Хлябина.

Такая житейская сюжетность нынче предпочтительна. Один известный критик, размышляя о «производстве» журналов, лет восемь назад писал, что в оценке сочинений на первое место

надо бы ставить сюжетность. Если произведение не выдерживает испытания простым пересказом, то это надо учитывать как первый признак бесполезности. Он и стихам в периодике отвел большое пространство именно по признаку сюжетности, пусть в чем-то неуклюжим, поскольку гладкие (или по-модернистски выпендрежные) беспредметные медитации осточертели. Упоминаю эти суждения потому, что усматриваю в них полезность для поддержки таких вот деревенских сюжетов, в которых проглядывает то характер, то судьба, то бытовая ситуация с далекими последствиями. Тот же критик, ставя себя на место редактора, предполагал свои действия: если в рукописи вещь читается безотрывно — тут же в набор ее, не думая, что скажет снобствующая княгиня Марья Алексеевна.

Вот и я беру из рукописи один рассказ, второй, третий. «Зацепляет» автор, не мудрствуя лукаво. Из первого рассказа «Беда», из обыденного сюжета пропадает общенародная трагедия. За бегло обозначенными биографиями в других зарисовках нетрудно увидеть пройденное, пережитое, в чем-то определяющее нынешнее самочувствие местных жителей. Автор говорит о том, что необходимо всем видеть, знать, помнить и понимать. Он не приспособливается к модным запросам общества, потворствуя коим, литература, как и другие искусства, может стать пустым развлечением. По мнению Альбера Камю, высказанному более сорока лет назад, общество, равнодушное и усталое, хвалит и хулит по чисто случайному выбору. Интеллигент может подстраиваться под этот выбор, уклоняясь от жизни общества, творить воображением, фантазией собственную реальность из чувственной и душевной практики, из осмыслиния субъективно познанного и пережитого. «Однако в одиночестве, — считал французский писатель, нобелевский лауреат, — он создает лишь формалистические и абстрактные произведения, интересные как опыт, но лишенный плодотворности истинного искусства, призвание которого — объединять людей». Ни один художник не может обойтись без художественного воображения, без эксплуатации всего диапазона чувств. Что же еще необходимо всякому сочинителю, кроме состояния души, дарования фантазии, личного жизненного опыта? Конечно, свобода выбора, умение видеть, слышать, сострадать и

понимать, оправдывая, а не проклиная. Умение быть защитником, а не судьей. Обретаемая способность говорить со всеми и обо всех через внимание к знакомым всем вещам. «Нас сближает то, что мы вместе видим вокруг, от чего вместе страдаем. У каждого человека свои мечты, но реальность мира — наша общая родина» (Альбер Камю). Обращаясь к высоким суждениям, надеюсь возбудить на будущее у автора этой книги новые стремления и сверхзадачи.

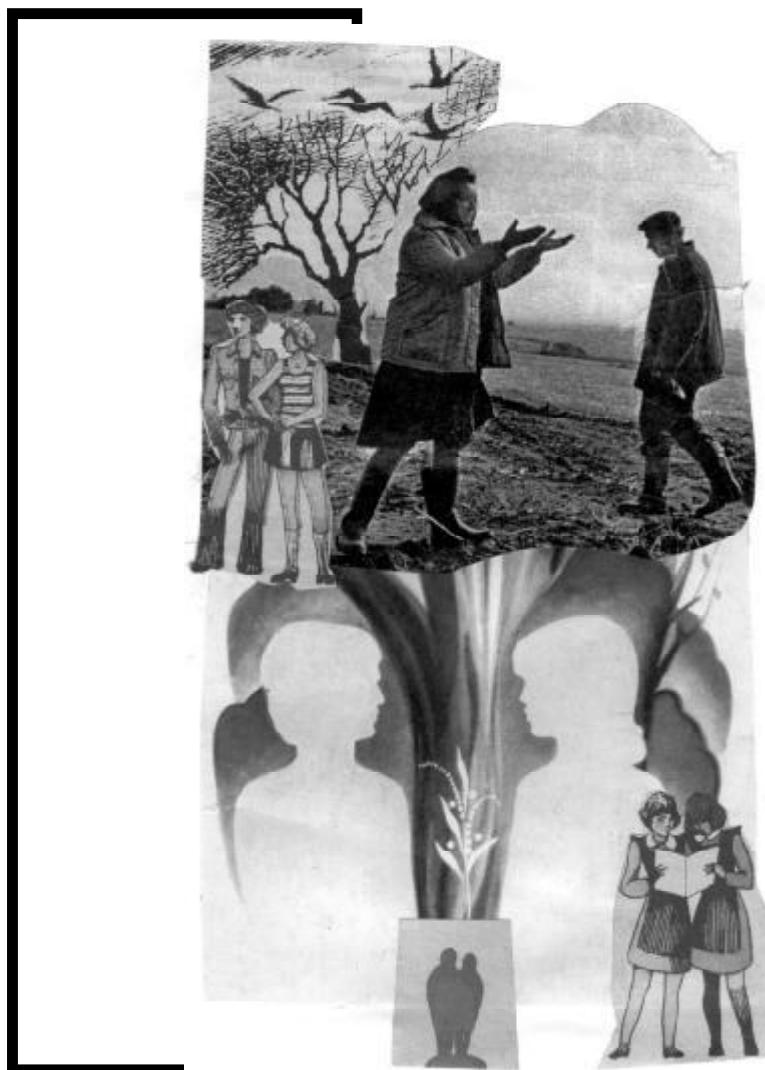
Пока же находятся основания для претензий и пожеланий. Автора можно упрекнуть за однообразие ретроспекций и сходство композиций, сюжетов, за чрезмерную сдержанность в описаниях ради краткости. Представляется преднамеренно приглушенной палитра в передаче состояний природы, в обрисовке персонажей. Можно заметить жанровую неопределенность, уклонение от художественной прописки предыстории случая и заглавного центрального эпизода. Но даже дневниковые истории убеждают в умении выбирать картины быта, факты, слова

и жесты, время и место действия, в умении «обрывать» диалог, пользоваться байкой, анекдотом, фольклорной речью. Автор пишет понятную, обусловленную житейскими обстоятельствами атмосферу бытия. Он передает его как преодоление невзгод долготерпением, силой духа, совестливостью и надеждами.

Вспоминается известный поэт, способный, по мнению критика, прожить жизнь, «как прозаик, не корчась и не торопясь». Не торопясь красиво высказаться, удивить газетной крикливостью или эстрадно-издевательской нелюбовью к людям. Упомянутый поэт Владимир Корнилов однажды сказал: «Жизнь — это все-таки то, что всегда...» Давние и новые стихи этого столичного поэта заставляют говорить чувство, потому автору доверяешь «на основе внутреннего ощущения того, что все написанное ... правда», никто не будет обманут. Вот эта художественная правда и есть основа плодотворного искусства, объединяющего людей. Деревенские сюжеты Александра Хлябина-ва, живущего прозой, не обманывают, они окатывают горечью и печалью правды. Имеющий незаемный слух услышит уже сейчас собственный голос прозаика. Своими малыми сочинениями он встал в ряды тех, кто не отступает от праведности, обозначил себя среди способных искренним родным словом позвать от чувства безысходности, душевного смятения на утверждение достоинства.

Михаил БАЗАНКОВ

Молодые были...

Летним днем на деревенской улице ведут разговор два человека. Она — невысокого роста, в простом ситцевом платье. Он — полноватый мужчина в праздном светлом костюме, по всему видно — горожанин.

Разговаривают о житье-бытье, о детях да внуках, о тех, кто здравствует, кого уже нет...

— Я все беседку одну вспоминаю, — проговорил мужчина, заметно смущившись.

Женщина вопросительно взглянула в его глаза.

— У Николаевых тогда собирались, — напомнил он.

И зардели, вспыхнули огнем щеки женщины. Ту, тридцати летней давности беседку, и она не забыла.

... Изба у Николаевых была невелика, тесновата для гуляния. Но веселье получалось. Напелись и наплясались. А потом, как водилось, начались шутки, пошла возня. Визготок девичий, хохотки парней, гроханье скамеек... Одним словом — «бара-ба». Катя Субботина выбилась из веселой сутолоки, выскочила на крыльце подышать свежим воздухом. Вслед за ней вышел парень — вчерашний солдат Витя Сафонов.

— Не застудись, — произнес он каким-то неестественным, заботливым голосом и вроде бы оберег-пригрел, коснулся рукою ее щеки, провел по шее.

Она стояла, боясь шевельнуться, но вдруг, уловив водочный запах, всколыхнулась и упорхнула в дом.

Как только оказалась она в пространстве, освещенном лампой, грянул общий смех. Она непонимающе крутила головой, но, глянув на себя в зеркало, увидела на лице черноту печной сажи. И, вскрикнув, со слезами кинулась из избы...

— Генка Трунов, дружок вертлявый, чертяка кривоногий, надоумил тогда, — словно бы оправдываясь, начал он рассказывать прошлую историю. И получалось у него виновато: — Выпили мы с ним за мою демобилизацию и заявились хорохорные на беседку. Генке показалось, будто веселья не хватает. И говорит: слабо, мол, тебе, Витек, Катеньку Субботину размальевать-нарумянить? Он-то сам, помнишь, наверно, любитель был всяческих проказ, донимал девок здорово на гулянках. Помнишь ли, Катя?

— Сватался ко мне в одно время Генка-то... С вдовушками попутался и на молодую обзарился. Работный был да колобродистый. И смазливый. Отказала тогда, — с раздумьем говорила женщина. Пауза долгая получилась. Помедлила она, словно решая, говорить или промолчать дальше-то. — Я ведь тебя из армии ждала. Девчонкой еще влюбилась. Но ты в ту пору на меня — ноль внимания, как нынче говорят. Не почуял, не заметил.

— Ой, локти потом кусал.

Мужчина понурился.

— Не было смелости, робел... Через неделю после твоей свадьбы укатил подальше в город. Думал, забудется...

— Вот как бывает. В молодости веселимся — а вспоминать печально. Какие мы теперь стали... Молодые были...

— Молодые, — словно эхо, выдохнул он.

— Молодые, — с печальной улыбкой повторила она.

Долгое молчание прервали житейскими вопросами. Так постали, поговорили и пошли своими дорогами.

У каждого были свои дела и заботы.

Сердечная недостаточность

И в праздник чувства волком выть охота
От своеволья злого душ глухих...

Л. Попов

Первой из деревенских Варваре Степановне Гущиной встретилась молоденькая продавщица Маринка Лукина. Та бросила удивленный взгляд на осунувшееся после болезни лицо старушки, спросила участливо:

— Выписалась, баб Варь? Как хоть себя чувствуешь-то сейчас?

— Слава богу, пооклемалась немного, — переводя дыхание, отозвалась Степановна.

Маринка не случайно удивилась встрече с ней. После того как Степановна угодила в больницу с «сердечной недостаточностью», многие в деревне посчитали, что оттуда ей долго не выбраться. А может случиться и самое худое. Как-никак восьмой десяток Варваре Степановне. С человеческим «мотором» в любом возрасте шутки плохи. А в ее лета особенно. Для самой Степановны диагноз врачей не был неожиданностью.

Откуда взяться этой самой «достаточности»? И в няньках девчонкой она состояла, и, повзрослев, трактор «СТЗ» осваивала. В войну на лесозаготовках ломила. Муж ее Василий погиб на фронте в сорок втором году. Сын с семьей живет на Украине. В последние годы навещает мать редко. Накладно стало ездить. Вон как жизнь-то вдруг перевернулась.

Она доковыляла до своей избы, вынула ключ из условного места, вошла в сенцы. Ее охватило прохладой, вздохнулось

легко. В ноги, сыто урча, ткнулся кот Молчун. Степановна осталась довольна тем, как подомовничала без нее двоюродная сестра Валентина. Устало присела на табуретку возле любой переборки. Но не сиделось. Какая-то смутная тревога не покидала старуху все то время, что она находилась в доме. Ноги как бы сами понесли к гуменнику, где Степановна высаживала картошку. Нынче из-за хворости она припозднилась с этой работой.

При виде открывшейся картины старушка так и остолбенела. Ее сосед Михаил, горожанин, живший в деревне наездами, припахал к своей земле межу. При этом отхватил и кусок картофельника Степановны.

— Матушка-заступница, царица небесная, да это что такое деется на белом свете? — запричитала Степановна.

Не переставая голосить, старуха побрела к жилью Михаила. Ее встретил увесистый замок на дверях. Хозяин, видно, указал к себе в Кострому.

Отец Михаила, Павел Чернов, вернулся с войны израненный и пожил недолго. На руках его жены Клавдии остались трое мальчишек. Старшему, Мишке, тогда едва исполнилось десять, младшему, Колюньке, — три. Клавдия тянула лямку в колхозе. Приходилось крутиться в поле, чтобы «палочки»-трудодни на бумаге поставили, да дома надо было успеть ребятишек обходить.

Хоть и была Клавдия характером упрямая да крепка, но не раз, бывало, прибежит к Варваре, ревмя ревет:

— Сил моих больше нет содержать своих сорванцов. Васька вот третий день школу прогуливает. Учительница приходила, мол, принимайте меры.

Варвара в то время после болезни (надорвалась, ворочая тракторные железки) работала в пекарне. Горсть муки иногда притащит соседке украдкой — все поддержка, каких-нибудь «коллюшек» та испечет.

Клавдия померла семь лет назад. Домишко без присмотра еще больше расхудился, земля пришла в запустение. Сыновья Клавдии в разное время разлетелись из родных мест. Михаил работал токарем на заводе, Василий — мастером цеха на металлургическом комбинате, Николай плотничал в какой-то артели. Жили

братья, по слухам, неплохо. Так вышло, что все вместе они собирались лишь на похоронах матери.

Два года назад возле избы появился Михаил, уже немолодой человек непримечательной внешности. Он и привел избу в более-менее божеский вид.

Как-то полушутя-полусерьезно он предложил Степановне сдать часть ее участка ему в «аренду». Мол, ей все равно не под годы как следует землю обрабатывать. В то время она отговорилась от назойливого соседа, а про себя подумала: «Экой прыткий до чужой-то землицы».

По правде говоря, Степановне на старости лет действитель-но стало тяжело содержать в порядке свой участок. Нынче она хотела пустить часть земли под покос. Вся выгода: не надо будет таскать сено для козы за полверсты. Только, видно, не зря люди молвят: «Загад не бывает богат». Вот что приключилось!

Бессовестно поступил Михаил, не по-людски, не по-божески.

На другой день она плетухалась в сельский Совет с жалобой на самоуправство соседа. Переступив порог, встала в нерешительности.

Тощенькая большеглазая девчонка, не знакомая Варваре Степановне, остановилась возле нее:

— Бабушка, вы к нам по какому вопросу?

— По земельному делу я, милая, — смиренно, как человек, вынужденный отвлекать от дел занятых людей, ответила Степановна.

— Вам надо к Сергею Васильевичу. У него сейчас как раз комиссия по земле заседает. Подождите немного.

В стенах сельского Совета было сумрачно, душно. Из-за двери одной из комнат доносились возбужденные голоса.

Прихватив подог, Степановна вышла на крылечко, присела на нагретые майским солнцем ступени. С дальних полей доносилось тарахтение двигателя. Это напомнило ей ночной сон.

... Она управляет трактором. Позади остаются пластины свежеспаханной земли. Впереди, возле лесочки, видна фигурка парнишки в светлой рубашонке. Степановна силится разглядеть: кто он? Или это ее сын Санька, или большак соседский Мишуха? Они оба неравнодушны к технике. И не может признать... Глаза застилает то ли потом, то ли слезами.

Возвращение

В ночь перед свадьбой сына почтальонке Наталье Зотовой не спалось. Разные мысли теснились в голове. И первое, что тревожило и волновало: будут ли счастливы? Вон у Грибовых не успели молодые сойтись, а уж порознь живут. У них, у нынешних, это просто. Но только ей ли судить—рядить нынешних, когда сама в молодости познала удел одиночества. И словно только что прожитый день, встало перед ней прошлое: девичьи годы, беседки, куражистые кавалеры-подорехи...

Как в калейдоскопе, прошли картины собственной свадьбы, не блеснувшей убранством столов, зато прогремевшей на всю округу веселой пляской, звонкой россыпью частушек-приговорок, заливистой игрой гармошки Колюшки Теплова, тайно влюбленного в невесту.

Издалека выплыли сказанные тогда кем-то из сельчан слова:

— Повезло тебе, Наталья, с таким мужем не пропадешь!

И она верила в это, глядя на разгоревшееся в пляске лицо ее Сергея, на его прибившуюся к потному лбу прядь волос.

Через год их совместной жизни он признался, пряча под густыми бровями глаза:

— Ты знаешь, не по мне оседлая жизнь.

Собрал пожитки в чемоданчик, с которым появился в доме, перебравшись из общежития МТС, и ушел.

Улыбающийся, в распахнутой телогрейке, показался под окнами больницы, чтобы взглянуть на родившегося сына, и вновь исчез на... четыре года, потом еще на сколько-то.

Отец у Натальи погиб в сорок третьем году под Курском, через полтора года после ухода Сергея умерла и мать...

С растревоженной душой Наталья забылась до рассвета. А с самого утра окунулась в обычную свадебную суэту, когда хозяй-

ке необходимо переделать десятки мелких, но нужных и неотложных дел. К назначенному часу дом стал наполняться шумным и говорливым народом. Дружной стайкой подошла молодежь, рассыпая смех, шутки. Потом стали подходить люди постарше, в основном, парами. Соседка Анна отыскала взглядом Наталью, позвала к себе.

— Там, у крыльца, твой благоверный топчется.

«Не обманулось, значит, сердце», — подумала Наталья и пошла навстречу своим ночным воспоминаниям. Ее бывший муж и отец Андрея стоял в нерешительности, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из дома.

— Узнал вот... заехал поздравить.

За прошедшие несколько лет, что они не виделись, у него поприбавилось седины в висках, поменьше стало уверенности и твердости в голосе.

— Ну что же, проходи, гостем будешь.

И это «гостем», хотела она или нет, прозвучало холодно и отчужденно.

Когда он поднялся, чтобы сказать напутственное слово молодым, шум за столами стих. Говорил недолго. Как-то неловко передал растерянной паре подарок, пригубил вина и медленно опустился на скамью.

— Николай Егорович, а ну давай что-нибудь веселое, — попросили гармониста. Он бросил взгляд в сторону тех, для кого двадцать с лишним лет назад играл, как и сегодня, «на счастье», растянул меха, и в дом ворвалось что-то широкое, удаленное... грустное.

А потом для желающих танцевать включили магнитофон, и чужая мелодия пробилась в широко распахнутые окна.

Наталье вдруг стало нестерпимо душно. Она поднялась из-за стола, прошла в огород...

Наталья скорее почувствовала, чем увидела, как один из гостей вышел во двор, огляделся, словно выискивая кого-то, закурил и грузно, ссгутившись, направился за деревню.

...Ее уже давно настойчиво просили к застолью, и она, отрев ладонью непрошеные слезы, вышла на общее веселье.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ
ХРОНИКИ

Камень

Учительница Анна Сергеевна была приезжей. В деревне знали, что у нее на родине есть жених — курсант артиллерийского училища. И вот этот курсант, а точнее, уже бравый лейтенант, увозил Анну Сергеевну к месту своей службы — в далекий Казахстан.

Ребятишки, конечно, потужили: учительница была что надо — и красива, и статна, и мораль по каждому пустяку не читала.

Но детская печаль быстротечна: уехала Анна Сергеевна — на ее место назначат другого человека. Кто-то же должен учить сельскую детвору.

«Другой человек», однако, по каким-то причинам в школе не появился. И районное педагогическое начальство обратилось за помощью к Станиславу Алексеевичу Ларину, которого за суровый нрав ребятишки окрестили Грозным.

Это был человек, внешностью похожий на Дон-Кихота с обложки книги, которую читала мальчишкам и девочонкам Анна Сергеевна, — такой же тощий и нескладный. В деревню Ларин приехал еще до войны после окончания Ярославского учителского института. На селе судачили, что родители Грозного были раскулачены и молодой человек собственоручно написал заявление об отказе от них.

Началась война, и Грозный ушел на фронт одним из первых в округе. Под Ржевом он получил контузию. Полгода провалился в госпитале, снова воевал, пока осенью сорок четвертого года пуля не раздробила его правую руку. И вернулся солдат в школу, где отучительствовал еще пятнадцать лет. А потом война напомнила о себе болезнями, которые одна за другой стали цепляться к еще не старому человеку.

Жил Станислав Алексеевич бобылем, юясь в комнаташке при школе, ухаживал за своим небольшим огородишком.

Тогда в четвертом классе учились два друга — Вовка Голубев и Санька Соколов. Вовка — худощавый подвижный парнишка с оттопыренными ушами. На рябой Санькиной физиономии выделялись пытливые голубые глаза.

Учились оба нормально, но с дисциплиной было хуже. И новый учитель основательно взялся за ребят, да только вытравить из них «дух свободолюбия» оказалось не так-то просто.

И хотя Грозный не имел привычки кому-то жаловаться на учеников, родители все же узнавали о проделках своих чад. Узнавали и испытанным дедовским способом проводили дома соответствующую «воспитательную работу».

Друзья на какое-то время становилисьтише воды, ниже травы, но потом вновь начинали свои проказы. А учителя своего крепко невзлюбили. И вот однажды, когда Грозный занимался с первышами (школа была малокомплектной, и учителя вели уроки одновременно с несколькими классами), ребятишки так увлеклись разглядыванием обнаженной дамы на игральной карте, которую Вовка накануне свистнул у старшего брата, что не заметили приближение учителя.

... Учебный день друзья закончили в разных углах класса, куда Грозный расставил их под громкое фырканье девчонок.

Вскоре после того обидного случая ребятишкам поручили сделать уборку школьного двора. Сгребая в кучу осенние листья, Вовка вдруг с заговорщическим видом поманил к себе друга: «Идем, дело есть!»

Вовка ушел за поленницу дров, извлек откуда-то увесистый камень размером с куриное яйцо.

— Ну и что? — непонимающе уставился на него Санька.

— А вот что...

И склонившись к его уху, Вовка нашептал свой коварный план отмщения Грозному.

... В школьном коридоре стоял массивный шкаф с наглядными пособиями. Обычно, когда учитель открывал его, с верхних полок ему на голову валился ворох бумаг, книги и папки. Действуя одной только левой рукой, учитель с трудом возвращал все это на место до следующего раза. Вот Вовка и прикинулся, что если

камень положить куда надо, то обязательно шарахнет Гроздного «по кумполу», едва тот сунется к шкафу.

— А не зашибет вовсе? — робко усомнился в этой затее Санька.

— Не боись: все рассчитано, будь спок!

...Ребята скрытно прошмыгнули в школьное здание и приступили к осуществлению задуманного.

Санька присел на корточки и, дождавшись, когда Вовка упрочился на его плечах, с натугой стал выпрямляться, давая другу возможность дотянуться до самой верхней полки шкафа.

— Про камень — молчок на самой страшной пытке! — сделав свое черное дело, предупредил Вовка и спрыгнул на пол.

...Молодость, как известно, не знает угрызений совести. На душе у Саньки после возвращения из школы скребли кошки. У мальчишки было необычайно развито воображение. Оно-то и не давало покоя. Санька представил, как учитель после удара камнем с окровавленным лицом беспомощно валится на пол, и у «заговорщика» невольно потекли слезы.

Нужно было что-то предпринять. И парнишка решился на отчаянный шаг.

После вечернего киносеанса он прямо от клуба потаенно спустился в овражек, по дну которого легко «прямушкой» можно было пробраться к зданию школы. В кустах вдруг принялся ворочаться и сочно чавкать какой-то зверек. Саньке стало жутковато, но он пересилил себя и, подсвечивая изредка дорогу фонариком, быстро оказался у цели.

К главному зданию перед самой войной сделали прируб. В пристройке хранился разный инвентарь, стояли кроличьи клетки. Попасть внутрь пристройки для сельского пацана — минутное дело. А из нее рукой подать и до школьного коридора.

Неслышино ступая по деревянным половицам, Санька приблизился к шкафу и стал соображать, как ему дотянуться до верхней полки. Пришла мысль приставить к шкафу стул. Но в тот самый момент, когда рука мальчишки уже нащупала злополучный камень, шаткий стул стремительно пополз из-под ног. Раздался грохот... Резво вскочив, Санька двинул стул на прежнее место и стремительно юркнул под старый диван.

Сделал это он вовремя.

В коридоре послышались шаги учителя, и зажегся тусклый свет.

— Что за чертовщина? — услышал Санька над своей головой и затаился еще больше, с ужасом разглядывая босые ноги Грозного, остановившиеся в нескольких сантиметрах от физиономии мальчишки. Он даже нос зажал пальцами, чтобы случайно не чихнуть от пыли.

Когда учитель вернулся к себе, Санька вылез из-под дивана, проторенным путем вышел на волю и во весь дух пустился домой.

... «Ничего, будет и на нашей улице праздник!» — бурчал недовольным голосом Вовка, когда на следующий день понял, что его акция мщения провалилась.

В ноябре учитель неожиданно простудился, подхватил двустороннее воспаление легких и умер на больничной койке.

Прошло более двух десятков лет. Вовка за это время успел обзавестись женой, тремя детьми и жестоким радикулитом — профессиональным заболеванием всех водителей.

Санька уже преподавал в техникуме и растил такую же копиопатую дочь, каким сам был в ее возрасте.

Приехав на время в родную деревню, он зашел к другу детства и напомнил ему давнюю историю с камнем. Заодно поинтересовался, почему Вовка для «теракта» решил использовать именно булыжник.

— Фантазии на большее, видать, не хватило, — хмыкнул друг и, помолчав, добавил: — Шалопаями мы тогда были с тобой. Ша-ло-па-я-ми! Понял? Особенно — я!

Браконьер

Витюха Потапов шагал берегом Унжи. Был он не в духе: какой-то идиот пробил днище его лодки и вынудил Витюху воспользоваться развалюхой тестя.

Сгорбившись под тяжестью рюкзака с рыбой, Витюха продрался сквозь густые заросли ивняка, потом преодолел болотистую низину.

Потапов браконьерил, но не «борзел», как некоторые мужики из его поселка. Те мерили улов мешками: для себя и на продажу. Впрочем, мужиков можно было понять. При такой жизни скоро с разбойниччьим кистенем рванешь на большую дорогу.

К берегу причалило судно. Одно из тех, что в короткое время половодья навещают мантуровские края.

С палубы судна доносились музыка и разразительный женский смех. Витюха сбавил шаг. Что-то вдруг всколыхнулось в его душе.

Когда-то он и его закадычный друг Валерка возвращались на теплоходе со строительства целлюлозного комбината, куда их заманил вертлявый вербовщик, посуливший золотые горы. Слиняли они оттуда через полгода, поскольку зарплата на строительстве оказалась смехотворной. Было им тогда по 20 лет с хвостиком. Оба только что вернулись из армии.

Путь их лежал по Волге через Кострому, где они намеревались купить по мотоциклу. Чтобы скопить нужный капитал, парням на стройке пришлось мантульить по две смены.

Тем же теплоходом плыли студентки пединститута, будущие учителя собирали фольклор в Горьковской области. Одну из студенток, Ларису, парень сразу выделил среди других...

В Костроме Витюха остановился у своей двоюродной сестры-текстильщицы. И вскоре бабки-вахтерши в студенческом общежитии на Щемиловке стали признавать его за своего.

Как-то раз он явился в общагу раньше назначенного часа и застал даму своего сердца в объятиях курчавого курсанта химучилища.

Витюха не опустился до выяснения отношений с ними. Он молча повернулся и двинул в... ресторан. Утром же, протрезвев, здраво рассудил: «Свет, что ли, на этой вертихвостке клином сошелся?»

Потерпев неудачу на любовном фронте, парень сел за стол и пересчитал оставшиеся после городских увеселений финансы. Было разве что на велосипед.

...На дороге, ведущей в поселок, его повстречал Валерка, горделиво восседающий на сиденье новенького «Днепра».

Технику свою друг детства вскоре ухайдакал, по пьяной лавочке скатившись в овраг. Хорошо еще, что сам отделался легким шрамом на подбородке.

Женился Витюха на бывшей своей однокласснице Лене, о которой скupой на похвалы поселковый народ отзывался так: «Домовитая. Пях ногой ничего не сделает...»

С этими воспоминаниями Витюха открыл калитку своего палисадника.

— Что так долго? — обеспокоенно спросила Лена вернувшегося с «промысла» мужа. Она стояла у крыльца и тонкими, как у девчонки, пальцами перебирала сохнущее на веревке белье.

— Рыбнадзору показания давал, — под влиянием дурного настроения ляпнул Витюха.

Когда до Лены дошло, что слова мужа не что иное, как мрачная шутка, она обиделась и в ответ бросила:

— Мы его заждались, уже не знали, на что и подумать, а он тут зубоскалит, балабол несчастный!

Когда Лена раздраженно захлопнула за собою дверь в избу, Витюха понял, что сделал неладно, и окончательно расстроился...

Но тут его шею неожиданно обвили нежные теплые ручонки четырехлетнего Ванюшки. Мальчишка был точной копией отца — такой же круглолицый и со вздернутым вверх носиком.

Приникнув к отцовской щеке, Ванюшка горячо задышал ему в ухо: «Папка! Какой я сегодня корабль видел! Большой-большой! Вот такой!» И, на минуту отцепившись от отца, сынишка описал руками два полукружья.

Витюха посадил сына на колени, укутал его хрупкое тельце полами своей фуфайки.

...Над поселком навис теплый весенний вечер. За перелеском добродушно ворчала разбуженная река, где-то тявкали собаки, ошалевшие от запахов пробуждающейся природы.

Из избы выпорхнула на крыльцо дочка Светланка.

— Пап, вы с Ванькой ужинать будете или деньгами возьмете? — всхохотнула она и, резво повернувшись, скрылась за дверью.

— Мама Лена, не иначе, откомандировала, — повеселел Витюха. — Вань, ты что выбираешь: деньги или ужин? — поинтересовался он у сына, но ответом ему была тишина.

Витюха осторожно отвел полу фуфайки и увидел, что сынишка спит сладким отроческим сном.

Гости

После Рождества к согбенной тихой старушке Анне Ивановне Кузьминой прикатил из Шары гостенек — внук Шурик, небрачный малый двадцати трех лет.

Шурик в свой срок ушел служить, но полгода прокантовался в санчасти, а потом был комиссован по причине какой-то болезни с мудреным названием и сел на шею родителей. От безделия занялся пьянством.

А бабушка Анна в свое время закончила лишь пять классов и «шестой — коридор», как частенько говаривала внуку. Сызмальства познала она труды да заботы. В военное лихолетье девчонка-«семнаточка» исполняла бригадировы наряды вровень со

взрослыми. Отпечаталась в ее памяти частушка тех лет, сложенная будто про нее:

Я работала в колхозе,
Нагибала все гибень.
Поработала неделю —
Записали трудодень.

Заслужила же себе Анна Ивановна пенсию с «гулькин нос».

Но только шалопутному внуку все бабкины финансовые проблемы были «до лампочки». Вынь да поставь ему на стол выпивон и закусь по первому требованию...

Анна Ивановна поначалу хотела усовестить внука, но на-рвилась лишь на хамский окрик: «Не квакай, старая!»

От этих слов голову бабкину словно туманом заволокло, а губы от обиды мелко задрожали...

В деревне же, как известно, от «сарафанного радио» ничего не утаишь — ни хорошее, ни плохое. Услышал про гореванье Анны Ивановны и я, на правах соседа решил заступиться за ста-рушку, у которой всех близких родственников судьба разметала из родной деревни по белу свету. Я просто напомнил Шури-ку, что он явно злоупотребляет положением гостя. Да куда там! После общения с ним я в полной мере осознал всю правоту деревенского присловья: «Этого человека убеждать, что борону в мешок совать».

В тот же день возле магазинчика мне повстречался пенсионер Василий Сергеевич Иванов. В деревне некоторые помнили его могутным парнем — «закоренком». Жил он тогда по соседству с Анной, как говорили в народе, «с поля на поле». Шустрая девчонка-соседка нравилась Василию. Да и Анна заглядывалась на караглазого силача.

Весной сорок второго Василия призвали в железнодорожные войска. Их часть стояла на станции Пречистое под Смоленском. Вот здесь-то изголодавшийся солдат и стянул из вагона мешок сухарей. Своей добычей он поделился с таким же полуоголодным сослуживцем. Но кто-то «настучал», и Василия судил военный трибунал. «Отстегнули» бедолаге 8 лет лесоповала.

В ноябре сорок четвертого Василий попал в лагерь, который располагался на территории Тимошинского сельсовета Мантуровского района. Каким-то чудом ему удалось связаться со своими в Усолье. И вот мать пошла «на свиданку» с сыном, за нею увязалась и Анна.

Батя ее, вчерашний фронтовик, потерявший под Москвой руку, в это время бригадировал в колхозе. Он и без того-то характером был круче некуда, а тут, узнав о выходке дочери, бегавшей на свидание с «врагом народа», стал вообще неуправляем. Намотав на уцелевшую руку вожжи, он с остервенением высек отступницу. И, как говорится, была промеж молодыми людьми любовь, да вся вышла...

Несмотря на годы, Василий Сергеевич сумел сохранить частицу былой гвардейской стати. Он тоже был наслышан о беде односельчанки. Вскоре мой недавний собеседник появился возле хибары Анны Ивановны. Я встревожился: как бы чего у него там с Шуриком не вышло. Ведь нынешняя молодежь на дух не переносит поучений стариков, а те, в свою очередь, в конфликтных ситуациях редко изъясняются на дипломатическом языке.

Я уже было взялся за ручку дверей бабушкиной терраски, но тут же отпрянул в сторону, так как из дома пулей вылетел Шурик, ухватившись рукой за поясницу.

— Па-а-дла, все ребра поломал, мать-перемать! — заорал он и, поскользнувшись на крылечке, гулко хрюстнул на снег.

Я поспешил в избу. Василий Сергеевич стоял у самого порога и, тяжело дыша, держал наизготовку подог. За спиной старика потерянно топтаясь обладательница оружия возмездия — насмерть испуганная Анна Ивановна...

...В тот же день Шурик собрал свои манатки и отбыл в родную Шарью.

Бабка Нюра

Бабке Нюре Стекловой давно стукнуло восемьдесят лет. Жила она одна-одинешенька. Детки поразлетались кто куда и не досаждали частыми наездами. Большую часть дня бабка Нюра проводила в деревенском магазине. Кто-то из местных острословов даже окрестил бабку «завмагом». В магазине уютно, есть с кем покалывать. А что еще нужно старому человеку?

...В один июньский день по какой-то неизвестной причине у бабки Нюры загорелась изба. Когда я выбежал на улицу вслед за взрослыми, сквозь топот ног, скрип колодезного журавля, треск объятым пламенем кровли рассыпал слова:

— Сундучок у меня там... сундучок в сенцах.

Тогда подумалось, что старушка драгоценности свои спасти хочет, не будет же она зря повторять о сундучке, который, вероятно, и четвертом не поднять. Бабка Нюра ухватилась за меня, произнесла обессиленно и умоляюще:

— Сашенька... сундучок там... сундучок... не донесла...

Я окликнул своего дружка Витюху Лебедева, и тот, ничего не спрашивая, кинулся вслед за мной.

В сенях, еще не охваченных огнем, клубился густой черный дым. Прикрыл глаза рукой, я шагнул через порог и споткнулся. Это был небольшой ящичек, обитый по углам жестью.

Бабка Нюра тут же подняла крышку, вынула что-то, завернутое в холстину. Я разочарованно вздохнул, увидев в сверточке пожелтевшие от времени фронтовые бумажки-треугольнички, старые фотографии. Память о погибшем муже.

Избу ей потом отстроили заново.

Нынешней весной бабка Нюра слегла. Пришла к ней фельдшерица, принесла лекарства. А старушки-подружки то медку принесут, то бульончику куриного. Да только никак не может отудобеть бабка Нюра.

Разнесли старухи по деревне скорбную весть:

— Плоха Нюрка-то, плоха!

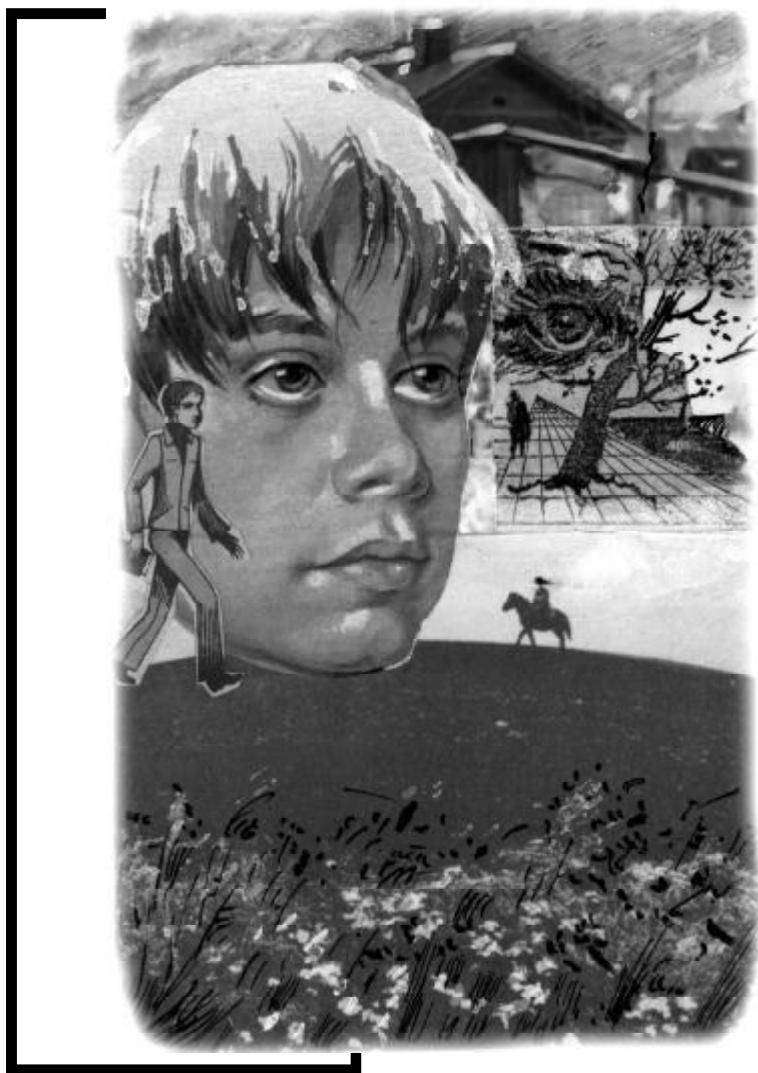
Между тем предметом внимания деревенского люда стало другое событие. «Расписывались» учительница Люся Степанова и недавно вернувшийся из армии Витя Яковлев. Редкостью стали в деревне свадебные торжества.

...Бабка Нюра появилась на пороге избы в самый разгар веселья, протиснулась сквозь принаряженных глядильщиков, собравшихся в прихожей, и прошла к застолью. Ей по обычаяу поднесли рюмочку «красного». Не отказалась, пригубила. Поздравила молодых.

Она стояла, светло и счастливо улыбалась, отчего серые морщинистые щеки ее разгладились, и она показалась людям совсем не такой уж и старой...

Очень в деревне удивились бабкиному исцелению. Она и сама, спроси ее, вряд ли смогла бы это объяснить. Может, просто захотелось ей еще разок взглянуть на чужое счастье, на людях побывать. Может, облегчение почувствовала. Как бы то ни было, но еще с неделю ходила она в магазин. А когда пропустила день, никто на это не обратил внимания.

Соседка, зашедшая навестить ее, обнаружила бабку Нюру уже неживой.

Фотоаппарат

Душа Сереги ликовала. Дядя Коля привез ему из Москвы фотоаппарат «Зенит», о котором тринадцатилетний парнишка мечтал с тех пор, как отец «толкнул» кому-то за бутылку его обшарпанную «Смену».

Серега тогда поначалу расстроился, но потом утешил себя мыслью, что таким старьем нынче никто уже не фотографирует.

А с дядей Колей пацан познакомился еще весной, когда возле городского рынка поцарапался с двумя пэтэушниками.

Дядя Коля привел парня в свой «офис», чем-то обработал ему синяки и царапины.

«Офисом» была бывшая пивнушка, которую дядя Коля переделал под магазин запчастей для легковых машин.

Серега зачастил к плечистому тридцатилетнему мужчине, стал помогать ему в строительных делах.

Дядя Коля до этого служил в Дагестане. Там у него, по слухам, остались жена с дочкой. Сам дядя Коля личные темы в разговорах не задевал. Жил он в примаках у продавщицы тети Нины на Привокзальной.

...В родительском доме Сереги плавал густой табачный дым, пахло горелым. За столом напротив отца сутулился человек со щетинистой физиономией.

Отец заплетающимся языком представил сыну осоловевшего гостя:

— Кореш мой старинный... Михалыч... С северных «курортов» вернулся... А это дело положено обмыть... Слетай-ка, Серега, к твоей знакомой Нине-малине... Отоварься винцом...

Серега медлил.

— Давай, шурой в темпе, — торопил его отец.

— А деньги? — робко спросил Серега.

— Не понял, — дохнул ему в лицо перегаром отец. — Вот житуха-то, Михалыч, — обратился он к гостю нарочито скорбным тоном. — Все лето пацан мантулит на одного дельца и вот, поди же ты, ни шиша не заработал... Или получил бабки, да заначил их от отца?

Он грозно зыркнул в сторону сына.

Серега круто развернулся и выскочил на улицу. В душе его кипела обида. Три дня назад отец привел домой конопатого мужика, с которым так же всю ночь глушил водку. А до этого в доме гостили какой-то мордоворот из Неи.

Тогда деньги имелись — заработал Серега у дяди Коли. Скрепя сердце он «спонсировал» пришлых отцовских дружков-сбутыльников.

Серегин отец давно уже нигде не работал. Мать так серьезно прихврнула, что оказалась на койке в областной больнице.

На этот раз Серега переночевал у тети Шуры, маминой сестры.

— Ты чего это сегодня такой смурной, будто ежа проглотил?
— поинтересовался наутро дядя Коля. И парень поведал ему вчерашнюю свою историю.

— Всего и делов-то? В жизни, брат, беды бывают и покруче! — попытался успокоить он Серегу.

Перед обедом мальчишка нечаянно глянул в окошко новостройки и обмер.

— Дядя Коля, там папка со своим дружком. Я не хочу с ними разговаривать.

— Не хочешь — не разговаривай. Ступай-ка в подсобку, — приказал дядя Коля. — Я сам переговорю с делегацией.

В это время гулко бухнула входная дверь.

— Где Серега? — вместо приветствия зычно гаркнул отец.

Через тонкую перегородку Сергей услышал, как дверь снова загрохотала, а потом с улицы донеслась какая-то короткая возня, и все стихло.

Серега опасливо вышел из своего укрытия.

Дядя Коля, примостившись на неструганых досках, прикладывал к лицу носовой платок, на котором были видны следы крови.

— Досталось, — посочувствовал Серега.

— Ничего, боевые шрамы украшают мужчину, — усмехнулся дядя Коля.

...Утром Серега обнаружил на дверях магазина увесистый замок. Томимый смутной тревогой, он поспешил к дому дяди Коли.

Дверь ему открыла тетя Нина. Ее красивое смуглое лицо припухло от слез.

Оказалось, что вчера вечером кто-то подкараулил дядю Колю в темном переулке и ударил ножом в спину.

— В больнице он теперь, — всхлипнув, сообщила тетя Нина.

Серега оторопел, но вдруг опомнился и, смахнув ладошкой выкатившиеся слезы, помчался в больницу.

К больному его, конечно, не пустили. Медсестра сказала, что он еще слаб после операции.

«Из-за меня ведь его», — тоскливо подумал парнишка.

Не по-детски смутная злоба закипела в нем, едва он мысленно представил опухшее от водки лицо своего отца.

...На дворе стоял август. Солнечный, тихий. Серега вспомнил о матери и подумал о том, как ей, наверное, одиноко и тоскливо там, вдали от дома.

«Поеду-ка я к ней», — вдруг решил он. Мигом сбежал к тете Шуре за фотоаппаратом и отправился с ним на рынок. Там сбыл свою драгоценность заезжим торговцам, а вечером уже стоял на вокзале в очереди за билетом на поезд Свеча — Кострома.

Крепель

Василий Волков после армии завербовался в город Новозыбков Брянской области. Вначале работал на стройке, а потом перешел автослесарем в одну «шарашку».

В 1986 году под Новозыбковом летчики преградили путь чернобыльскому радиоактивному облаку, рассеяв его над городом.

Через какое-то время у Волкова заболела щитовидка. Начались мытарства по больницам. Из-за этого потерял работу, и его финансы, как говорится, вскоре «запели романсы». Правда, на выпивку Василий деньги всегда находил. Но сохранить семью не смог.

Помыкавшись один, он решил махнуть на свою родину. Дома, как известно, и солома едома. Да только там без особой радости встретила его сестра Татьяна. Ее муж мотал срок за хулиганство, и Татьяна одна растила сына Валерку.

Обычно подернутые мрачной поволокой глаза Василия светились только в том случае, если ему удавалось «остограммиться». В такие минуты он брал в руки гармонь и пел.

Играл Василий так проникновенно, что у племянника Валеры по коже начинали бегать мурашки, а к глазам подступали слезы.

Случалось, Василий явно перебирал со спиртным, обмывая очередную шабашку, а наутро тяжело страдал головой. Татьяна отхаживала его, горестно приговаривая: «Муженька Бог послал непутевого, так и братец из того же теста...»

Весной Василий подрядился в деревне пасти коров. За новое

дело взялся основательно, без хмельных выкрутасов. А деревенскому люду только того и требовалось. Осудить пастуха за действительные и мнимые провинности норовит каждый, а вот желающих занять этот «пост» днем с огнем не сыщешь.

Валерка же определился к дяде в помощники.

Парнишка перешел уже в седьмой класс, но был еще нескладен, сутул и сухощав. Про таких обычно говорят, что у них вместо телосложения — теловычтание. А сверстники дали ему прозвище Крендель.

Пастыба коров — занятие малоприятное. Но раз есть возможность подзаработать, чего же ею не воспользоваться? К тому же Василий знал кучу занимательных историй, и племяннику было не скучно с дядей...

В тот день они пасли стадо на берегу Унжи. У Василия кончились сигареты, и он послал подпаска в ближний магазин. Возвращаясь назад, Валерка увидел, что никем не управляемое стадо уверенно бредет в сторону ржаного поля.

— А где же дядя Вася? — обеспокоился Валерка. — Я вас, блудни! — заорал он издали на коров,бросившись им наперерез. И тут до него с берега донеслись звуки песни. Валерка узнал дядькин голос.

Сделав по инерции еще несколько шагов, мальчишка под обрывом берега увидел небольшую компанию. Его дядя, облаченный в старую тельняшку, резко выделялся на фоне цветастых одежд незнакомых людей. За кустами ивняка торчал верх оранжевой палатки, разбитой на плоту, а у ног веселящейся компании поблескивало на солнце стекло пузатых заморских бутылок.

— Валерка, племяш! — заметив подпаска, нетрезвым извиняющимся голосом забормотал Василий. — Душевных ребят, вишь, встретил. Туристы они. Сидим чин-чинarem, поем, — ослабился он и неестественно захохотал.

— Пошли отсюда, дядь Вась, — несмело попросил Валерка.

— Ты иди, иди к стаду. Я сейчас. Буду как штык...

— Дядь Вась... — уже со слезой в голосе снова начал парнишка.

— Шагай, шагай к своим буренкам, никуда твой начальник не денется, — грубо перебил его рыжеволосый дядька в сандалии

ях на босу ногу, ухмыляясь щетинистой физиономией, которая явно «просила кирпича», как говаривали в деревне.

Валерка крутанулся на месте и сиганул к перелеску, возле которого огораживал свои стога механик фермы Михаил Рябинин.

— Выручи, пригляди малость за стадом, дядя Миша, — дрожащим от невысказанной боли голосом попросил его парнишка.

— А шеф-то где твой? — удивился Рябинин.

— Долго объяснять, — уклонился от ответа Валерка, всем видом показывая, что ему не до праздных разговоров.

— Ладно, шурий, куда надумал, — великодушно разрешил Рябинин, поправляя последнюю жердину.

… Валерка кубарем скатился по откосу к реке. Хоронясь в тени прибрежного кустарника, он подкрался к плоту с палаткой, вытащил из кармана свой складенчик и начал ожесточенно пилить острым лезвием толстый канат. Канат поддавался плохо, но через минуту дело пошло веселее. Последние пряди лопнули сами по себе, и плот сначала вяло, как спросонья, а потом все быстрее стал разворачиваться и вскоре отчалил от берега.

Соседи

Престарелый Василий Петрович Матвеев жил одиноко. Его жена скончалась пять лет назад. Сын Константин обосновался с семьей в Перми, на родину приезжал редко. Обижавала Петровича племянница Клавдия.

Собственно, большого внимания к себе Петрович не требовал. Просил иногда бельишко постирать, полы вымыть. За хлебом и всем прочим он бродил сам, благо, что магазин стоял наискосок через дорогу.

И все бы ничего, да страдал Петрович без баньки. Любил он, грешным делом, хороший жар да березовый веничек впридачу. Несколько лет назад баня Петровича окончательно подопрела, обвалилась каменка. Раньше бы сам все уладил, теперь — какое там! Одно время старик мылся у Клавдии, но в последнюю пору ходить в дальний конец деревни ему стало не под силу.

В соседях у Петровича были животноводы — муж и жена Говоровы. Обоим за пятьдесят. Он — щедрый мужичок, «метр с кепкой», любитель заложить за воротник. Она — пышнотелая, но подвижная, работающая.

Насчет их баньки Петрович и не заикался. Павел, сосед, был норовист и злопамятен. Что называется, «соплей перешебь», а дури — до краев. Вот уж который год он не допускал к своему дому тещу из-за того, что та в чем-то ему однажды не потрафила. А уж она ли дочке с зятем не пособляла...

Как-то Петрович остановил Пашку и сказал ему:

— Ты зачем так с тещей-то?

Тот набычился, цыкнул на Петровича:

— Не лезь в чужое дело...

Попробуй-ка после этого в баню к нему попроситься.

А вот Валентина к Петровичу относилась по-человечески.

Как-то вечером, под Рождество, она забежала к соседу.

— Поди, Петрович, в баньку, погрей косточки. — И добавила: — Мой-то благоверный дрыхнет без задних ног. С утра где-то налакался.

Петрович кашлянул:

— Нехорошо вроде получается, через голову-то хозяина...

Валентина отмахнулась:

— Полно тебе...

Он стал собирать нехитрую одежонку.

...Баня была протоплена на славу. Стариk разохотился, поддал раз-другой парку и... почувствовал, как пол уходит из-под его ног.

Когда он пришел в себя, первой мыслью было: «Ежели умру тут, Пашка Валентину со свету сживет за то, что пустила...»

Он кое-как оделся и выбрался на волю. Морозцем перехватило дыхание. Не разбирая дороги, Петрович поплелся к своему дому.

Тем же вечером его парализовало: отнялись левая рука и нога.

Приехал Константин, отвез отца к себе в Пермь.

Потом по деревне прошел слух, что Петрович живет в доме престарелых. Только мало ли чего не выдумают люди?

Родительский день

У входа в заброшенную церковь замурзанная ворона, во-
ровато зыркая по сторонам, энергично расправлялась с куском
булки.

Снегиреву захотелось попасть внутрь храма.

Неплотно прикрытые створки церковных дверей были скру-
чены толстой ржавой проволокой.

Это обстоятельство не остановило Снегирева. Он отыскал лаз
в подвал и вскоре оказался в затененном пространстве храма.

Около тридцати лет назад здесь размещался лесопунктовс-
кий склад, где хранились электропилы, спецодежда и другие ма-
териальные ценности. Сторожил склад дядя Снегирева — Па-
вел Михайлович. Его в детстве чуть не до смерти «закатал» бык,
вследствие чего Павел Михайлович получал пенсию по инва-
лидности. Потом склад перенесли в другое место, и бесхозная
церковь пошла на откуп ребятне.

Мать Снегирева поселковые звали «Нетунахой» за ее беза-
лаберный характер. Снегирева она родила «в девках». Когда
мальчишке исполнилось двенадцать лет, мать сошлась с лесору-
бом из Закарпатья и отправилась с ним на Украину, оставив сына
на попечение своего брата-бобыля.

В семьдесят шестом году Костя Снегирев закончил ПТУ,
стал работать сварщиком на стройке в Нерехте. Туда же он воз-
вратился после службы в погранвойсках. Потом уехал на роди-
ну своей жены в северную Ухту. Домой Снегирев последний раз

приезжал осенью восемьдесят девятого, когда скончался дядя Павел.

Нынче родные просторы опять позвали его. Был родительский день, и Снегирев отправился на кладбище.

...Сквозь приоткрытые створки с трудом протиснулся долговязый парнишка. Он отпрянул от дверей, споткнулся о кирпичи и растянулся на заваленном щебенкой, бутылочным стеклом и полусгнившими досками полу церкви. Из полиэтиленового пакета, что болтался на руке мальчишки, выпорхнули конфеты в ярких обертках, бойко выкатилось куриное яйцо.

...За стенами церкви раздался визгливый женский голос:

— Совсем обнаглели эти бомжи. Белым днем могилы обибают.

Мужской бас вторил:

— Башку надо размозжить за такие дела...

Парнишка притулился в углу церкви, опасливо поглядывая на коренастого мужика в джинсовом костюме. Мальчишке было лет тринадцать-четырнадцать. На голове — шапка-петушок. Спортивные штаны пузырились на коленях...

...После «дембеля» Снегирев поехал в Кострому прибирахлиться: доармейские одежды на возмужавшем парне трещали по швам. Вечером на вокзале к нему подвалили четыре подростка, такие вот, как этот, что сейчас сидел на корточках и утирал рукавом рубашки кровавые сопли. Снегирев брыкнулся: «Вам чего, пацаны?» Один, кудреватый, приставил к его боку нож, и Снегирев затих, в бессильной яности лишь скрежетнув зубами...

Год спустя, в День пограничника, Снегирев, слегка поддатый, в зеленой фуражке набекрень (традиция!), шагал к своим бывшим сослуживцам. На «сковородке» ему повстречались два подростка. По кудрям он сразу признал одного из своих вокзальных обидчиков.

— Тормозни-ка, добрый молодец, я с тобой малость побалакаю, — грозно-обходительным тоном обратился Снегирев к кудреватому. Физиономия того сделалась серо-буро-малиновой. Его рука нырнула в карман брюк, но Снегирев опередил парня. Он с левой врезал ему промеж глаз. Досталось и спутнику кудреватого юнца.

Кто-то вызвал милицейский патруль... Снегирева ждали крупные неприятности, но коллектив взял его на поруки, и все обошлось.

— Дядь, у вас курить не будет? — осмелел парнишка.

— Курить — здоровью вредить. Слышал такое? — отозвался Снегирев. — К тому же в церкви не курят.

— Так то в настоящей церкви...

— Тебя, что ли, родители дома не кормят? По кладбищам ошиваешься... — строго спросил Снегирев.

— Интернатский я, — неохотно сообщил о себе парнишка.

— Только сейчас там не живу.

— Натворил чего? — опять полюбопытствовал Снегирев.

— Да нет. Я деньги пацанам задолжал, а вовремя не вернул.

— Струсили, значит, в бега ударился, — усмехнулся Снегирев.

— Деньги я им отдам, заработаю и отдам. Наклонулась тут шабашка, — запальчиво произнес парень.

— Тебя как зовут-то?

— Костя.

— Тезка, выходит, — потеплел голосом Снегирев. — Вот что, Константин, давай-ка все это собери, — приказал он, кивнув на рассыпанное по полу содержимое пакета.

Мальчишка повиновался.

— А теперь айда за мной на выход.

— Не пойду, — заупрямился пацан. — Там эти психи не-нормальные...

Снегирев пожал плечами, мол, это твои проблемы, дружок. Но не успел он сделать и двух шагов, как услышал за спиной испуганный мальчишеский голос:

— Дядь, подождите, я с вами!

Поминальная трапеза

Максимову недавно стукнуло 46 лет. Жена его работала медсестрой в районной больнице. Дочь заканчивала технологический институт. Сам Максимов работал на заводе сварщиком, или, как чаще всего называли работяги представителей этой профессии, — «сварным».

Как-то в обеденный перерыв он сидел в курилке. На глаза ему попался захватанный мазутными пальцами журнал без корок. Максимов взял его в руки, полистал, прошелся взглядом по заголовкам.

Вообще-то до чтения Максимов был не охотник. Разве что районную газету когда просмотрит. Вдбавок ко всему начали сдавать глаза. Профессиональная болезнь.

Одна статейка в журнале привлекла внимание. Называлась она «Никто слезам не верит». В ней описывалась такая история.

На сороковом году жизни деревенская женщина Анна Демьяновна вышла замуж и родила одного за другим детей Колю и Наташу. Муж, кореец, через какое-то время исчез вместе с колхозной кассой. Дочь окончила школу, вышла замуж за москвича. Но вскоре брак распался. Сын Анны Демьяновны сел в тюрьму за вооруженный грабеж. Со временем деревенская девчонка стала заместителем главного технologа комбината. Она была преуспевающей, красивой, независимой. И вдруг все стало рушиться. Комбинат безнадежно увяз в долгах, зарплаты хватало на одну неделю. И тут нежданно-негаданно Наташе выпала счастливая карта. Она познакомилась с коммерсантом. Тот сделал ей предложение.

Междугородный звонок застал Наташу врасплох. Звонил участковый врач из поликлиники: мать (она к тому времени жила в квартире умершей сестры в маленьком городке) не при смерти, но жить одна не в состоянии, хлеб ей носит соседка, когда самой нянька нужна.

Коммерсант о матери и слышать не хотел.

Наташа приватизировала квартиру, где жила мать, оформила дарственную на себя и продала за семь миллионов. До Москвы она купила два билета. Подвела мать к первому вагону.

— Стой и жди меня. Сбегаю что-нибудь в дорогу куплю...

В общем, героиня этой истории свою мать бросила. Живет Анна Демьяновна на вокзале. Подают ей редко, но старуха дивится бумажкам, слетающим в расстеленный ею платок: столько денег она никогда не видела.

— Вот стерва! — вырвалось у Максимова, когда он дочитал статейку до конца.

— Ты это кого? — приоткрыл глаза дремавший возле батареи отопления аккумуляторщик Леха Степанов.

— Да так, ничего, — отмахнулся Максимов.

До конца рабочего дня он ходил сам не свой.

Максимов был единственным сыном у матери. Отец его еще молодым утонул на сплаве. Мать жила в деревне и не собиралась ее покидать, несмотря на уговоры сына. «Надо будет в выходные съездить, проведать ее. С осени не бывал», — решил Максимов.

В субботу утром он двинулся на вокзал к пригородному поезду. Стоял январь, но было не по-зимнему тепло. Колеса машин и ноги прохожих усердно месили снежную кашу.

...На дверях родительского дома Максимов обнаружил замок. Мать частенько ходила на беседки к старикам Кузнецовым. И Максимов направился к ним.

В доме вкусно пахло печеным хлебом.

— Кто там? — раздался с печки глухой старческий голос.

Максимов отозвался. По лесенке старик спустился вниз.

— Лексан Лексеич, — окончательно признав пришельца, уважительно произнес старик. — Проходи в зало.

Несмотря на годы, Василий Михайлович выглядел молодцом. Лицо его было чисто побрито. На голове тороптились темные волосы.

С войны 26-летний Василий пришел без ноги. Человеком он был башковитым. Подучился, получил должность счетовода в колхозе и зажил, как кум королю, сват министру.

В 47-м году Василий сосватал бездетную вдову Валентину Тихомирову. А потом случилось то, о чем Василий Михайлович не любил вспоминать.

Пристрастился он к вину и гулянкам так, что прокутил казенные деньги. Пришлось его женушке продать с себя чуть ли не последнюю одежонку, чтобы ее суженый не загремел в тюрьму. С тех пор дед Василий вел жизнь степенную, а жене своей старался не перечить ни в чем. Пусть не пьян, зато съит и «нос в табаке».

— Твоя матка с моей баушкой на похороны ушли, — объявил Василий Михайлович. — Таисья Смирнова умерла. В подругах всю жизнь ходили...

Скрипя протезом, он сходил в загородку и принес початую поллитровку...

— А я вот тут от баушки посудину припрятал. Примем за упокой души Таись Ивановны.

Он разлил водку по стаканам.

— Чокаться не будем, — предупредил.

Выпили. Покалякали.

На деревенской улице показались две женщины в черных плюшевых жакетах. Узрев жену, дед Василий сноровисто, как боец-новобранец при виде сурового старшины, убрал остатки поминальной трапезы. Сделал это он по привычке. Скорее всего, в этот скорбный день старику не нагорело бы за самодеятельность.

Дел в доме матери для Максимова оказалось немного. Он переколол дрова, истопил баню. Вечером они сидели за столом, пили чай. Мать рассказывала о похоронах, то и дело вытирая платком слезы.

...После войны Таисья вышла замуж за израненного Костю Смирнова, заменив мать троим малым детям. Перед тем как сойтись, Костя попросил ее:

— Не спеши, Тая, на детей моих хорошенъко посмотри.

Та сказала в ответ:

— Я, чай, не в магазин собралась.

Прежний муж Таисы погиб на фронте. Росла дочь Танюшка.

— Все дети, кроме Николая, того, что живет в Латвии, приезжали, — говорила мать. — Ты, кажись, с ним вместе в школу бегал.

...Утром Максимов стал собираться домой. Мать положила в его дорожную сумку сушеных грибов и ягод, сальца. Проводила за калитку, напутствовала: «Ступай с Богом».

Он пошел той тропинкой, какой шел вчера, стараясь ступить на натоптанное, чтобы ноги не вязли в снегу. Навстречу ему двигался человек с чемоданом в руке. Они сошлись.

— Колюха, — узнал путника Максимов.

— Саша!

Мужчины неловко ткнулись друг другу в плечи.

— Как ты?

— Живу помаленьку. Мать вот навестил.

— А я, — начал Николай и... осекся. — Не похоронили? — спросил с надеждой в голосе.

— Вчера, — выдавил Максимов.

Николай издал звук, похожий на стон.

— Не успел. Проклятое время. Все идет наперекосяк.

Максимов стоял рядом с другом детства и не знал, как утешить его. Так уж ведется в жизни, что слова утешения умеют находить только женщины.

Братья

Когда Генка Егоров с дружками после дня рождения их одноклассника Сереги Михайлова ввалились в клуб, дискотека была в разгаре.

Общаться с Генкой Галка не пожелала. Сказано ему было однажды: заявишься выпивши — лучше не подходи. Генка попытался что-то сказать в оправдание. Тогда Галка прихватила плащик и с независимым видом пошла из клуба.

— Ну и катись... — бросил ей вслед Генка.

...Домой он явился без настроения. Завтра Генка уезжал в Кострому (он учился там в техникуме). Ехать, не помирившись с Галкой, ему не хотелось. Галка работала учительницей начальных классов в Самылове. «Пешедралом» туда топать и топать.

Генка вывел мотоцикл из сарая, попытался завести. Дохлый номер. Опять что-то с зажиганием.

Возле дровенника «дремал» набегавшийся за день уазик брата Андрюхи. Сам Андрюха второй день помогал будущему тестю перекладывать печь. Домой приходил за полночь. Через полтора месяца Андрюха собирался «расписываться» с Мариной Сергеевой, продавщицей поселкового магазина.

Год назад брат Генки пришел из армии. Директор леспромхоза Николай Васильевич сказал: «Садись на мой УАЗ . Другой работы пока предложить не могу». Андрюха нехотя согласился.

Генка тихонько, чтобы не разбудить родителей, пробрался в террасу и вытащил ключи из рабочей куртки брата. «За полчаса обернусь», — решил.

У почты крутой поворот влево. Генка уверенно крутнул баранку. И тут словно из-под земли перед машиной вырос человек, похоже, мужик.

— Куда прешь? — заорал Генка, не соображая, что его не услышат. Он бросил легковушку в сторону, пытаясь объехать ночного гуляку, и ударил по тормозам. Дрожащей рукой приоткрыл дверцу и со страхом взгляделся в темноту. Человек, едва различимый, валялся на обочине дороги.

«Все, кранты мне», — обреченно подумал Генка. Он кое-как развернул легковушку и рванул куда подальше от злополучного места.

Через какое-то время опамятался: надо говорить Андрюхе. Генка подрулил к нужному дому, позвал брата на крыльцо...

— Андрюха, я на твоей тачке кого-то задавил, — убитым тоном произнес он.

— Ты чего такое мелешь-то?! — не поверил брат.

Генка сбивчиво рассказал ему, что произошло.

— Врезать бы тебе, раздолбай, хорошенъко, — зло бросил Андрюха и матернулся.

Братья направились к месту происшествия, как пишут в милицейских протоколах.

— Андрюха, слышь, в случае чего скажи, что ты человека-то сшиб. Василич тебя отстоит... А у меня все полетит вверх тормашками... — плаксиво забубнил Генка.

— Иди ты знаешь куда... — оборвал его брат.

Подъехали к почте.

— Где? — коротко спросил Андрюха.

Человека на обочине уже не было.

И тут в свете фар братья увидели скоро шагающую женщину. Это была пенсионерка Валентина Косолапиха, которая по летам вместе с мужем Васькой пасла деревенских коров.

— Куда в такую поздньеть, тетя Валь? — спросил ее Андрюха.

— К фельдшеру бегу, — объяснила Косолапиха, — мой-то сейчас насилиу домой притащился. Лоб разбит, одна рука висит плетью.

— Избили кто? — опять поинтересовался Андрюха.

— Он развепомнит, адиот. Пьяный был в стельку. Может, отмутузил кто, а может, сам где навернулся...

Андрюха невесело выговорил:

— Бывает.

Предложил Косолапихе:

— Садись в машину, подброшу...

Генка вслед за пассажиркой тоже взялся за ручку дверцы, но машина так рванула с места, что он едва не растянулся в пыли...

Бега

Деревня. Начало марта. Рано утром в избу пенсионерки Марии Бугровой просунулась кудлатая голова механизатора Колюхи Прошина.

— Макаровна, жива? В обед дров тебе подброшу. Готовь пузырь...

«Пузыря» (бутылки водки) у Марии Макаровны как раз и не было. Вообще-то она, как и все пожилые деревенские люди, не жила без запаса. Да вот поистратилась на оградку для могилы мужа Василия, царствие ему небесное... В магазине деревенском сейчас, как назло, хоть шаром покати. Самогонку Макаровна не держала.

Мария Макаровна оделась, закрыла дом на нехитрый замок и побрела к своей стародавней подруге Игнатьевне.

— Разболокайся, проходи, — радушно встретила гостью Игнатьевна.

Бутылки у нее тоже не оказалось. Макаровна вышла от подруги, ругая себя за напрасно потраченное время. К тому же пришлось выслушивать ее очередную историю о жестокосердии невестки Игнатьевны — Валентины, которая «настропалила» против той всю родню.

Макаровна заглянула к своей родственнице Екатерине Гравчевой, к старицам Володиным. Все впустую. «У кого и есть, — подумала про себя, — так не скажут, на огороды берегут».

Пришлось ей идти на поклон к Василию Зубову. Он — бывший колхозный ветеринар, с прошлого года на пенсии. Зубов слыл в деревне человеком во всех отношениях положительным: не курил, не выпивал. Дочь его работала учительницей в Мантурове.

Честно говоря, идти к нему Марии Макаровне не хотелось. Уж очень он любил мораль читать по всякому поводу.

В этот раз Зубов обошелся без проповеди. Хворал. Домой Макаровна летела как на крыльях. На дне корзинки под тряпичкой покоилась желанная бутылка.

... На крыльце Макаровна сунула руку в карман плюшевой кофты и похолодела: ключа от висячего замка не было. Она поставила корзинку и принялась лихорадочно шарить по карманам и полам кофты. Ключа не нашла.

Макаровна постояла в растерянности, затем сходила в сарайку за топором. Раз-другой что есть силы саданула обухом по замку. Измочаленное топорище обломилось, и топор полетел прямо в корзину. Звякнуло. Пахнуло водочным духом.

Макаровна прижалась к косяку и заголосила точно по по��нику.

Квартирант

Новый квартирант Василия Степановича Носкова во многом не такой, как прежние. Скажем, за поллитровкой с ним не посидишь, не потолкуешь «за жизнь». Квартирант — не любитель выпивки. Странный он какой-то, молчаливый. Правда, спросишь чего из политики, разъяснит толком.

Николай Михайлович Глебов учит деревенских ребятишек русскому языку и литературе. Носков, с детства привыкший уважительно относиться к учителям, зовет его «Михалычем», несмотря на то, что квартирант годится ему чуть ли не во внуки.

Василий Степанович, жилистый, смуглолицый человек, долгое время работал плотником в колхозе и вот уже второй год на пенсии. Когда-то у него была крепкая семья: жена, дочь с сыном. Шесть лет назад его Аннушка скончалась. Дочь с семьей живет в Краснодарском kraе, сын — военный, служит на Севере. Как говорится, отрезанные ломти.

Поскольку Василий Степанович одиноко проживал в своей просторной избе, начальство время от времени просило его принять постояльцев. Последний из них, Михалыч, намерен был

квартировать у Василия Степановича до конца затянувшегося строительства дома для учителей.

...Носков по своей надобности заглянул на половину дома, где поселился учитель. Тот был не один. Василия Степановича одарила «взглядом-рублем» миловидная девушка. На ее округлом личике резко выделялись глубокие темно-карие глаза. Растерянно-радостный учитель представил девушку:

— Лена.

«Она явно не родственница Михалычу», — отметил про себя Носков.

— Подсаживайтесь к нам, Василий Степанович, — тонким голосом произнесла Лена.

Василий Степанович окинул взглядом стол. Не заметив ничего «горячительного», кроме чая, предложил:

— Может, это самое, по случаю приезда гости сбегать в магазин за красненькой?

Но его инициатива не была поддержана молодыми людьми. Вскоре Лена заспешила на автобус. Михалыч пошел ее провожать.

Носков сидел на бревнах у дома, курил, когда его квартирант вернулся. Василий Степанович обратил внимание на унылый вид учителя.

— Ты чего такой смурной? — поинтересовался Носков. — Радоваться надо, чудак-человек: этакую девку отхватил. Поженийтесь. Детишек нарожаете.

— Лена замужем, — прервал его Михалыч.

— Как это так замужем? — недоверчиво выговорил Василий Степанович.

— Да вот так! — усмехнулся учитель. Он помолчал, словно решая: делиться или нет сокровенным с собеседником.

— Я институт заканчивал, Лена на библиотекаря училась. Поскорились, можно сказать, из-за ерунды. Потом она замуж вышла за своего одноклассника. Обычная история, Василий Степанович. Я и поехал-то в ваш район из-за Лены. Она из здешних мест родом. Понимаю, конечно, что мое решение — чистой воды ребячество. Только по-другому поступить не смог... Сегодня встретил Лену в нашей школе. Приезжала на семинар библиотекарей.

...Михалыч поднялся.

— Извини, Василий Степанович. Я пойду к себе, много работы накопилось.

Ночью Василий Степанович то и дело поднимался с кровати, бродил по избе, курил возле печки.

Бессонница — беда людей пожилого возраста.

Письмо

Василию Макарову приснился сон. Будто бы они с женой сидят на реке в лодке. Василий со всей силой наваливается на весла, но лодка ни с места.

«Не к добру такой сон», — решил Василий.

И точно. Он пришел домой на обед, когда почтальонка привнесла письмо.

Сноха Валентина писала, что ее муж Алексей стал часто выпивать. Из-за этого в семье пошли раздоры. На работе у Алексея тоже не все стало ладиться. Валентина просила родителей, пока не поздно, приехать и серьезно поговорить с сыном. Она извинялась за то, что своим письмом расстроит близких людей, но иначе поступить не может.

Василий сел на лавку у дома, закурил. Он вспомнил, как его покойная мать говорила: «Маленькие детки — маленькие бедки, а большие детки — большие бедки». Не больно легкоко взваливать эти «большие бедки» на стареющие плечи.

В последний свой приезд к сыну Макаров заметил неладное. Алексей явился вечером под хорошим хмельком. Лицо Валентины посувровело. Притихла внучка Маришка.

Василий подступил к сыну.

— Ты бы, Леха, поаккуратней был с выпивкой-то.

Алексей, рослый, чернявый, статью весь в отца, стал оправдываться.

— Я свою норму знаю, бать. Сегодня после работы посидели малость с мужиками. Был повод...

Алексей в свое время закончил сначала сельскую десяти-

летку, затем лесную академию. Работал техноруком в леспромхозе. Дела у молодого специалиста шли нормально, насколько вообще они могут идти нормально во времена «всеобщего пофизизма».

Два года назад он с женой и дочерью обосновался в Костроме, откуда родом была Валентина.

Макаров плотничал в лесопункте. Тоже, бывало, заглядывал в стопку, но голову при этом не терял.

...Жене Анне он не сказал о письме. Та уже не один год недужит. С сердцем не все в порядке, давление скачет. Узнает о том, что в письме, — точно, сложет от расстройства.

За ужином Василий безмятежным тоном сказал:

— Съезжу-ка я, мать, на выходные к нашим, кое-что из продуктов отвезу. Да и по Маришке соскучился.

Анна настороженно глянула ему в глаза:

— Вроде бы не ко времени собираешься-то. За сенокос вон пора

браться.

— День-другой ничего не решит, — отмахнулся Макаров.

Ни единой черточкой на лице не выдал он той тревоги, что была у него в душе.

.... Макаров добрался автобусом до райцентра, там купил билет на поезд.

До самого прибытия в город он так и не уснул. Не привык Василий «дрыхать», как другие, в поездах.

На перроне остановился, закурил.

Громко стучала каблучками об асфальт, навстречу ему неслась красивой пташкой девчонка с красным бантом в волосах. Макарову показалось на миг, что это Маришка. «Почему она тут?»

Девочка промчалась мимо Макарова и подбежала к бородачу с рюкзаком. Человек взметнул ее на руки. Она обхватила ручонками шею бородача и засияла счастливым смехом.

От увиденного у Василия полегчало на душе. Он подумал, что в жизни сына и его семьи тоже все наладится. Иначе быть не должно...

Фольклорная практика

По договоренности с уважаемой преподавательницей диалектологии я было уже «навострил лыжи» в родные «пенаты», чтобы там пройти фольклорную практику, но мои планы расстроил однокурсник Паша Соколов. Он расписал свою деревню, настоящий «оазис» фольклора в М-м районе, где проживала его бабуля, чуть ли не народная сказительница.

Я, что называется, «купился» на предложение Паши отправиться вместе с ним в чудо-край, о чем по приезде туда пожалел. И вот почему. Во-первых, Пашина 90-летняя бабуля-«сказительница» из всего фольклора вспомнила только начало народной песни «Утушка луговая». Во-вторых, Паша оказался никудышным сотоварищем в делах фольклорно-изыскательских, по натуре он был чистым «технарем». И с утра до вчера не вылезал из колхозного гаража, где без Паши, как можно было понять из его высказываний, вся работа остановилась.

Я мотался по округе «за себя и за того парня», то бишь за Пашу, наполняя блокноты фольклорным материалом.

Однажды я по привычке тормознул попутку. За рулем, гляжу, — бывший мой однополчанин Леха Соловьев. Вот так встреча!

С ним вместе мы мяли свои бока на деревянных нарах в Нерехте, дожидаясь отправки в часть, потом томились на соседних вышках, охраняя «зэков». Затем наши пути-дороги разошлись. Леху перевели в автобат, поскольку он имел шоферские корочки, а я «прямой наводкой» отправился в дивизионную многостражку.

— Значит, Санек, в учителя решил податься, — буравя меня своими раскосыми глазами, пробасил Леха. — Ну-ну, дело нужное. Я было тоже в автотранспортный техникум поступил, да бросил... Шоферю в лесничестве... Жениться вот надумал. Через неделю расписываемся. Приглашаю.

... Так вот нежданно-негаданно угодил я на свадьбу.

Стоял конец июня. Было жарко так, что курицы лежали в пыли, раскрыв клювы.

Из душной избы гульба выплеснулась на волю. Отчаянно голосила гармошка в руках всклокоченного гармониста. Низкорослый дедок по-молодому дробил в женской компании, за полношно выкрикивая: «Пляши, Матвей, не жалей лаптей, тятька новые сплетет».

Женщины выпевали:

Скоро, скоро лед растает,
Время движется вперед.
Скоро девок расхватают —
И до баб черед дойдет!

Курносая девчонка моих лет в тоненькой розовой кофточке озорно выкрикнула:

— Эй, студент, присоединяйся к нам со своим фольклором!

Была не была — пропадала! Как там у Есенина: «Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий...»

Для «затравки» я выдал:

Опа, опа,
Где моя зазноба?
В огороде яма,
Она, наверно, тама!

Девчонка не осталась в долгу:

Не хвались, что ты красивый,
Не красивее людей,
Не тобой ли на конюшне
Напугали лошадей?

И пошло-поехало...

Девочки-девчоночки
Отшибли мне печеночки.
Теперь я без печеночек,
А все люблю девчоночек.

Дедок опять оголосился: «Давай, Наташка, бацай, пущай знают нашенских!»

И юбка — да, да,
И сборка — чи, чи,
Прочичикала миленка —
Хоть по радио кричи.

Вдруг девчонка как-то сникла, прекратила пляску и юркнула в дом.

Вместе со мной на «пятачке», брошенном на лужайку листе фанеры, осталась кубатуристая дама в сапогах-чулках по тогдашней моде. Соревноваться с ней в частушечно-плясовом единоборстве мне расхотелось.

Я вошел в затененные сенцы и увидел Наташку. Она, уткнувшись в ладошки, плакала...

— Ты чего, Наташ? — я прицепился к девчонке.

— Уйди, пожалуйста, — попросила она.

Ладно. Пошел, разыскал молодоженов.

— Что это с ней? — спросил я Леху.

Тот выщелкнул из пачки «примину», хмуро сдвинул брови.

— Тут, Сань, такое дело. Парень у Наташки был... Прозвище у него смешное — Крендель. Класса с шестого они с Наташей дружили. Из Ковровской учебки написал он Наташе, мол, отправляюсь на юг «загорать». Вернусь домой — не узнаешь курортника... Короче, попал он в Афган, и перед самым «дембелем» его БТР подорвался на мине. Вот и пой, гармонь, выбивай частушки...

... А материалы нашей фольклорной практики потянули на «отлично».

Генаха

В начале августа к пенсионерке Екатерине Степановне Глебовой приехали с Урала желанные гости — дочь Нина с восьмилетним внуком Валерием.

В избе с утра толкотня, громко бухают двери терраски. У Степановны поддеревни родственников.

К праздно сидящим на скамейке старушкам подошел двоюродный брат Степановны — Генаха Зубов. Смуглое лицо его чисто побрито, рубашка у горла не застегнута, виден уголок тельняшки...

По зимам Генаха работал кормовозом на ферме, летом сенокосничал, сторожил.

Трезвый — он человек человеком: спокойный, рассудительный. На все случаи жизни у него есть «присказульки». Тут как-то Генаха подошел к заведующей фермой с обломленным чепренком от вил.

— Как думаешь, Валентина, в чем разница между нами и американцами?

Валентина отмахнулась.

— А ну тебя, ведь опять чего-нибудь сморозишь.

— Не хочешь — не скажу, — бросил ей Генаха.

Валентина пошла на попятную.

— Ладно, давай про американцев.

Тогда Генаха выдал:

— Разница в том, что у американцев на одну фирму четыре виллы, а у нас на четыре фермы одни вилы.

Заведующей фермой только и осталось, что рассмеяться.

В пьяном виде Генаха становился взбалмошным, начи-

нал качать права по делу и без дела. Из-за этого он и жил бобылем.

Генаха сходил в дом, пропустил стопочку-другую за встречу, вернулся к старушкам. Те калякали о Валерике.

...К приходу Генахи мальчишка успел обломать яблоню в бабушкином палисаднике, разворошить копешку сена возле гумениника. Сейчас он, белобрюсый, щекастый, восседал на крылечке и строгал ножиком-складенчиком увесистую палку.

По проулку шлялись курицы во главе с огненно-рыжим петухом. Петух у Степановны был «клевачий». Правда, саму хозяйку он не трогал. То ли уважал, то ли побаивался. Петух уже пытался напасть на Валерика, в ком сразу распознал своего врача.

Валерик дождался, когда петух потеряет бдительность. Только горластый малость оторвался от своих подружек, подвинулся в сторону мальчишки, как Валерик прицелился и с силой швырнул палку в петуха. Взметнулась пыль, полетел пух. Петух, обессиленно взмахивая крыльями, сунулся в траву у забора. Валерик засиялся звонким смехом.

Генаха, увидев такое дело, снял с брюк ремень, шагнул к мальчишке.

— Я тебе побалую, охламон.

«Охламон» сначала не понял, в чем дело, потом заверещал.

— Не трожь ребенка!.. — послышался с терраски заполошный крик Степановны.

... На следующее утро Генаха явился к двоюродной сестре поправить здоровье: вчера после визита к Степановне еще принял на грудь у другана Костюхи Петрова.

Степановна, естественно, встретила Генаху бранью-«накачкой»:

— Похмелю тебя вон поленом осиновым по башке. На-ко, что удумал, что вычудил. Едва заикой парня не сделал. Видно, есть сила, да ум откусило...

Генаха стоял, словно казанская сирота, молчал. Не впервые ему видеть двоюродницу разгневанной. «Брань на вороту не виснет и глаз не ест», — считал Генаха. Сегодня двоюродница все равно даст похмелиться: праздник у Степановны на душе — привезли желанные гости!

Крест

... то, что прошло, не всегда позади.

Л. Татьяничева

Колхоз затеял строительство картофелхранилища. В бригаду, занятую этим делом, вошли братья Красновы, Иван и Николай, мужики предпенсионного возраста, и сорокалетний холостяк Лева Кутырев, трепач из трепачей, но дошлый в строительном ремесле. Еще одним членом бригады был Генка Чернов — долговязый, вертлявый парнишка. Он только что закончил десятилетку. Учился Генка через пень-колоду. О дальнейшем обучении не помышлял. Ждал повестку в армию. А пока выполнял в бригаде подсобные работы. На его же попечении для извоза находилась строптивая кобыла Вика.

«Бригада «ух» работает до двух», — отзывался о своих подчиненных бригадир Дмитрий Федорович Орлов.

Рядом со стройкой стоял остов полуразрушенной церкви. Ее в свое время не обошла участь тысяч российских храмов. Крест с колокольни был сброшен то ли непогодой, то ли ретивыми атеистами. Он до сих пор валялся в пожухлой траве, порождая в людях неясную тревогу.

Бригадир не выдержал первым:

— Вот что, Генка, после работы увези крест отсюда.

— А куда его, дядь Мить?

— Куда хочешь, туда и вези, лишь бы он нам тут глаза не мозолил, — подвел итог короткому разговору бригадир. По его растерянному лицу было видно, что он и сам не знал, куда девать крест.

Генка мотнул головой, мол, ладно, сделаю.

Вначале он решил переправить крест к кладбищу за ближней грядой деревьев. Но вдруг в голову парня пришла шальная мысльшка: «Прогнать, что ли, ради хохмы с этой реликвией по деревне?..» Как говорит бригадир: «Спыток — не убыток». И парнишка двинулся реализовывать намеченное.

При въезде в деревню Генка пришпорил лошадь. Крест, привязанный длинной веревкой к хомуту, звякал о дорожные камушки, оставляя за собой шлейф пыли. Деревенские ребята с любопытством неслись вслед за всадником. Старухи, коротающие день на лавочках возле домов, завидев Генку, лошадь и крест, истово крестились и грозили вслед сухонькими кулачками: «Накажет тебя Бог-то, острожник!»

Учитель Павел Михайлович копался у себя в палисаднике. С тех пор как два года назад он вышел на пенсию, это занятие в его жизни стало главным.

Он заслыпал гомон и вышел к дороге взглянуть, что там стряслось. Завидев учителя, Генка остановил лошадь.

— Это как прикажешь понимать, Геннадий? — строго спросил учитель, показав кивком головы на распластавшийся посреди дороги крест.

Генка не смущился:

— Сам же, Пал Михалыч, все время говорили нам на уроках, что религия — опиум, с ней надо бороться.

Учитель открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но не сказал, только лишь расстроенно отмахнулся.

Лошадь потрусила еще немного и свернула в ближайший проулок к оврагу...

«Задастовка»

Павел Васильевич Захаров ушел на фронт в сорок втором. Служил он механиком-водителем танка.

Случилось так, что после боя на захваченном немецком «Тигре» он проехал круг. Спрятавшись с машины, громко выразил свое заключение:

— Вот на этом танке я бы повоевал!

За восхваление вражеской техники ему тут же «припаяли» 10 лет лагерей.

Сельчане-фронтовики долгое время не признавали Захарова за своего.

В колхозе, как он сам говорил, «прошел все работы».

Теперь пенсионеру скучно сидеть дома, и время от времени он заглядывает на ферму, где состоит в механиках его племяш Володька.

Как-то доярки перед вечерней дойкой собрались в «красном уголке» и начали судачить о своем невеселом житье-бытье.

Павел Васильевич тоже грузно опустился на топчан под почерневшим от старости стендом «Социалистические обязательства коллектива МТФ на 1989 год» и зацепился взглядом за плакат с изображением водочной бутылки, из горлышка которой тянулся какой-то тощий злак. Надпись внизу гласила: «С водкой дружишь — не жди урожая». Но некий шутник на плакате крест-накрест зачеркнул «не».

— Как живете-можете, бабоньки? — поинтересовался Павел Васильевич у хозяек. Он знал, что деревенские недолюбливают его за язвительный язычок, и не особо «контачил» с ними. Но сегодня пенсионер был чуточку выпивши и потому пребывал в хорошем расположении духа.

— Сидячая забастовка у нас, Васильич, — мрачно пошутила его соседка по дому Валентина. — Шахтеры вон бастуют... учителья... А мы чем хуже их? Тоже ведь не святым духом питаемся...

Павел Васильевич принял слова Валентины за чистую монету. Лицо его помрачнело.

— Можно, конечно, и побастовать, — глухим голосом произнес он. — Только кто за вас общественную скотину обиживать будет? Ельцин, что ли, с этим... как его... с Клим... Клинтоном американским коров оделят да подоят?

Доярки в ответ громко загалдели, на все лады склоняя упомянутые стариком фамилии.

— Сами-то вы, бабы, хороши, — подливая масла в огонь, съязвил Павел Васильевич. — На работу норовите попозже, а с работы бежите, словно нахлестанные. Вас бы да под начальство покойного ныне председателя Василия Николаевича Анисимова. По-другому бы у него запели.

— Ты, Васильич, шибко-то перед нами не выступай, не совести нас. Чай, не в Думе Государственной, — одернула Захарова пожилая Екатерина Баранова, еще помнившая разносы по пустякам когда-то грозного председателя по прозвищу «Стеклянная спина» (как-то при нем у колхозницы Варвары Сиротиной воз с сеном опрокинулся — не помог поднять, отсюда и прозвище). — Ты лучше Марью свою поучи горшки в печку ставить!

Павел Васильевич лишь досадливо крякнул в ответ на эту нежданную отповедь и, ссугутившись, побрел к двери. Но едва он скрылся за порогом, как с улицы раздалась его ругань.

Оказалось, что старик в сумерках оступился в глубокую тракторную колею и теперь барахтается в темной жиже.

Доярки со смехом поволокли его назад, помогли стащить сапоги и промокшую фуфайку. Развесили его амуницию над печкой и ушли к коровам. Началась вечерняя дойка.

Оставшись наедине с теплой печкой, старик быстро сомлел и задремал. И приснился ему странный сон.

Будто пришли на ферму наш президент с американским. Наш почему-то был облачен в военный мундир с орденскими планками, а в руках американца поигрывали трехрогие вилы...

— С днем рождения тебя, Павел Васильевич, — дружно сказали оба, поклонившись старику.

Павел Васильевич от такой неожиданности дернулся назад и, ударившись о что-то горячее и твердое, проснулся.

Взгляд его снова остановился на злополучном плакате. При взгляде на бутылку он вдруг вспомнил, что дома осталась точно такая же поллитровка «Пшеничной», которую он открыл по случаю своего дня рождения. Сегодня ему стукнуло ровно семьдесят четыре... Да, семьдесят четыре годочка.

Обида

На крыльце колхозной конторы, словно колобок, выкатился бригадир Кузин в приплюснутой кепке. Бросил на нас, пацанов, цепкий взгляд, нарочито бодро, с усмешкой спросил:

— Ну что, орлы, рветесь в бой?

«Орлы» что-то нестройно ответили бригадиру. Конечно же, мы рвались в бой. В сенокосную пору ребята обычно подряжались таскать копны к стогам. Дело это нравилось нам, да и колхозу помочь ощущимая. Подтыкаешь под копну «иглу» — сухую тонкую жердь, крепишь копну веревкой, и знай погоняй своего Воронка или Венерку. Те, кому поручалась подвозка копен, считали себя счастливчиками.

Мы с Мишкой Артемьевым стояли рядом. Бригадир Кузин указал скрюченным пальцем:

— Этих не возьму. Шу-шу-тники, язви вас. Таким все хиханьки да хаханьки.

Я вдруг почувствовал, как к глазам подступили предательские слезы. У Мишки от обиды тоже задрожали губы. Было ясно: бригадир мстит нам.

После Рождества мы шли из Самыловского клуба через Погорелку. Мы — это я, Мишка и его старший брат Костя, осенью вернувшийся из армии. Сквозь толщу стен и двойных рам добротного дома на краю деревни выбивалась песня про «златые горы». На привязи зябла лошадь. Ба, да это же Кар्यко! Кузин прикатил в гости к шурину. И тут Костя подбил нас на одно дело.

Мы освободили Карька от упряжи, развернули сани, пропустили оглобли через забор-тычинник и снова впряжен лошадь.

Ну пошутили и пошутили, тем более что шутка-то с «бородой». Ах нет. Кузин встал в позу: из меня, бригадира, посмешище сделали, архаровцы, лоботрясы!

А разобраться, бригадир не человек, что ли, святой какой, над ним уж и подшутить нельзя?

В общем, обиду на нас Кузин, видимо, затаил.

...Пацаны, довольные важным поручением, быстро разошлись. Мы с другом, растерянные, подавленные, топтались у конторы. Кто знает, может быть, и допустил бы нас бригадир к работе, если бы мы покаялись, повинились, поклонились бы ему в ножки. Может, он этого и ждал.

...У Кузина, первого и пока единственного в деревне, появился телевизор. И великий был соблазн у ребятишек хоть краешком глаза посмотреть, чего там показывают.

Как-то мы сидели на бревнах возле конюшни. И Серега Кузин, сын бригадира, вдруг предложил:

— Айда к нам. Сейчас по телевизору «Неуловимые мстители» начнутся.

Нас всех как ветром сдуло с бревен. Только Мишка как сидел, так и остался сидеть на своем месте.

— Ты чего? — остановился я. — Ведь опоздаем.

— Не пойду, — негромко, но твердо сказал он.

— Вы чего там застряли? — крикнул кто-то из удалявшейся компании.

Я, поколебавшись секунду, рванул догонять ребят.

...Вскоре я почувствовал, что наша крепкая дружба с Мишкой резко пошла на убыль, а потом и вовсе прекратилась. Сначала я не понял, в чем дело. И только когда прошло немало времени, до меня дошло, что причиной этому было то маленькое мое предательство.

Колодец

Задумал Федор Михеевич Лебедев выкопать колодец. Прежний стоял на отшибе, к тому же совсем пришел в негодность: сруб наполовину обвалился, вода отдавала гнилью и плесенью.

В помощники к пенсионеру подрядились Константин Ломтев, отпускник из Кирова, и бородатый студент Володя Белов, который вот уже неделю жил на родительских харчах, вечерами развлекая публику в клубе игрой на расстроенной гитаре.

Очистили площадку от грязного осевшего снега. Когда раздолбили ломами мерзлый верхний слой земли, дело пошло споро. Грунт оказался податливым.

Вечером Михеевич достал из погреба припасенную к случаю наливку, угостил работников, и те за разговорами допоздна засиделись в его доме.

Ключи, или «земляные жилы», как называют их старики, в здешних местах залегают не слишком глубоко. По расчетам Лебедева, выходило, что где-то на четвертый день можно закладывать новый сруб. Но, видно, ошибся Федор Михеевич в своих предположениях.

На исходе шестого дня работы к нему подошел отпускник Ломтев. Помялся, прежде чем сказать:

— Плохи наши дела, Михеевич. Сам видишь, нет в этом месте воды.

Федор Михеевич промолчал, выбросил недокуренную цигарку, вмял ее галошой в зернистый мартовский снег и медленно побрел в избу.

Отпускник больше не появился. Уехал в город на колхозном молоковозе и студент Володя, видимо, заскучавший по учебникам и конспектам.

В напарниках у Михеевича остался только внук, восьмиклассник Мишка, который отдыхал на каникулах. Оставаясь на ночлег у деда, он слушал, как тот беспокойно ворочается на печи, а утром одну за другой смолит папиросы, вздыхая, ходит по кухне.

Дед рано поднимал Мишку. Холодок быстро прогонял остатки утренней дремоты. По длинной, шаткой лестнице Мишка спускался в глубину будущего колодца, и через несколько минут Лебедев поднимал на самодельном блоке тяжелую байдю с глиной и песком.

Как-то после обеда Федор Михеевич сбросил телогрейку и сказал внуку:

— Попробую, Мишуха, сам копать.

Под грузным телом тревожно заскрипела лестница. Часа через два снизу послышался по-юношески звонкий голос:

— Вода! Вода пошла!

Из ямы показалось лицо Федора Михеевича. Мокрое, перепачканное землей, оно излучало самое настоящее счастье.

...Сначала попарились в баньке, потом сидели в жарко настопленной избе, пили чай с вареньем, и дед рассказывал внуку, как в трудные послевоенные годы с товарищем ходил в чужие края ставить колодцы, которые были глубоки, не чета нашим деревенским.

Мишка слушал вполуха, а сам с тревогой думал о том, как объяснит он Ольге Степановне, классному руководителю, по каким причинам пропустил два дня занятий, начавшихся после каникул.

Папаня

Механизатору Колюхе Рощину скоро пятьдесят, но выглядит он моложе своих лет. Смуглый от природы мужик, широкий в плечах. С женой у него в свое время не сложилось. Она отправилась к себе в Шарью, а он из колхозной квартиры переселился в родительский дом.

Сосед Колюхи, овдовевший два года назад пенсионер Константин Михайлович Звонов, ждал гостей из Вологды — дочку Екатерину с зятем Леонидом. Посулились приехать на майские праздники.

С приездом гостей старик связывал важные хозяйствственные дела. Изба вон давно не мыта, крышу надо немедля чинить.

Субботним днем почтальонка Любаша принесла пенсионеру письмо.

— Прочитай, — попросил ее Константин Михайлович.

Дочка сообщала, что навестить отца они не могут, подробно писала о причинах, помешавших приезду, но старику это было уже не интересно.

Он расстроился и прихворнул.

Колюха решил проведать Михалыча. Только не с пустыми же руками идти к нему. Водку в магазине всю расхватали.

Колюха вытащил из-за ларя надежно припрятанную матерью бутылку с самогоном.

«Мать, конечно, опять скандал учinit, — подумал Колюха.

— Ну да ладно, на нужное дело беру».

Екатерина Степановна недавно получила «корочки» на бесплатный проезд в автобусе и теперь то и дело каталась в райцентр: то в церковь, то к родственникам, то просто поглядеть на цены.

Завидев Колюху, старик, кряхтя, поднялся.

— Лежал бы, — попытался остановить его Колюха.

— После смерти належусь, — мрачно пошутил Михалыч.

— А я лекарство тебе принес, — тоже в шутку сказал Колюха и выставил на стол бутыль...

После стопки-другой Михалыч поотмяк, разоткровенничался:

— Как ты думаешь, Колюха, может, мне старуху в дом привести? Все веселее будет время коротать.

— А почему бы и нет, — отозвался Колюха.

Михалыч приободрился еще больше, решил «посельсоветоваться» с соседом:

— Я вот про матку твою думаю. Она хоть и занозистая, но самостоятельная...

У Колюхи округлились глаза.

— Погоди, Михалыч, выходит, в случае вашего взаимного согласия, я буду тебе приемным сыном, что ли? Здрасьте — приехали, нашел к кому клинья подбивать, с кем шуры-муры разводить, — Колюха фыркнул и дурашливо закончил: — Па-па-ня! Как сходиться будете: с венчаньем аль по-старому, по-советски?

— Перестань зубоскалить-то, — стушевался старик. — Не подумавши ведь я брякнул про матку.

...Они вышли на терраску. В ее стены шлепали крупные капли дождя. Колюха спросил:

— Слыши, Михалыч, у тебя, кажись, рувероид был? Завтра крышу тебе подлатаю.

На том и разошлись.

«Духарик»

В один из весенних дней по деревенской улице нетвердой походкой передвигается шофер Колюха Грибов по прозвищу «Духарик».

Возле избы Екатерины Александровны Гущиной сидят на скамейке пенсионерки.

— Здорово, старые вешалки, — по-свойски приветствует Колюха пенсионерок.

Те хоть и привыкли к подобного рода «приветствиям» выпившего односельчанина (у трезвого-то у него, как они говорят, «в рот дыры нет»), но на слова его реагируют бурно:

— Здоровей видали!

— Явился — не запылился.

— Катька с ребятишками на грядках убиваются, а он куролесит...

Колюха грузно опускается на край скамейки.

— Гуляю на законном основании. Сегодня мне сороковник стукнул.

— Хоть бы чекушку поставил нам, старухам, за юбилей-то,

— с лукавинкой в голосе говорит самая шустрая из старушек Александра Васильевна.

— А что, я мигом слетаю, — бойится Колюха.

— Сиди-ка уж, сиди, не гоношись, — удерживают его собеседницы.

— Мы ведь смехом сказали-то...

— Может, за гармоны сбегать, а?.. — не унимался Колюха.

— Ох, и дадим звону!

— Матвеевна, помнишь, как Василий Степанович твой на гармошке играл? Не хочешь, да спляшешь!

Глаза Матвеевны повлажнели.

— Знамо дело, помню... Первый гармонист муженек мой был на всю округу...

— Эдак, эдак, — соглашаются с Матвеевной подруги.

Колюха вдруг сноровисто вскочил на ноги, прошелся петухом по лужайке, отчебучил:

Сидит милка на крыльце
С выраженьем на лице.
Выражает то лицо,
Чем садятся на крыльцо.

— Охальник ты, Колюха, — притворчиво сердится кто-то.

— Делай, Коля, забастовку, бей у матки все горшки! — поддерживает лирический настрой односельчанина Александра Васильевна.

— Кажись, Катерина бежит, — замечает Матвеевна.

— Будьте здоровы, бабуси, — потухшим голосом говорит Колюха. — Отбываю на другое мероприятие.

И он смиренно зашагал навстречу супруге.

Ходики

Не то горе, что позади,
а то, что впереди.

Ломота в ногах становилась такой невыносимой, что хоть на стену лезь. К непогоде. Лишь под утро Валентина Васильевна забылась коротким сном. Ее разбудило сонное бормотание внучки Оленьки. Внучка перевернулась на бочок и сладко засопела.

Валентина Васильевна взглянула на часы-ходики. Они стояли. Сын Сережа, еще когда учился на инженера в Москве, как-то предложил:

— Мам, давай сменим это старье на хорошие современные часы.

Она не согласилась, объяснила, что ходики — память об отце, чуть ли не первая его покупка после свадьбы. Однаждать лет как нет Михаила в живых. Рак, будь он проклят.

А два года назад авария на заводе унесла жизнь ее единственного сына. Не зря говорят: «Одну беду на ногах ташишь — две на загорбок лезут».

Месяц назад невестка Елена прислала письмо, в котором сообщала, что выходит замуж. Валентина Васильевна, конечно, всплакнула.

Она понимала Елену. Невестка молодая, видная. Что ни говори, а без мужской поддержки одна-то хлебнешь горького до краев.

Только вот Олењка, курносое кудрявое создание, ангел-хранитель ее, Валентины Васильевны. Мысль, что замужество Елены как бы отодвинет Олењку от бабушки, вселила в ее душу смуту.

На другой день после письма Валентина Васильевна отправилась в Тулу, где жили невестка с внучкой. Хозяйства у нее, считай, никакого — поросенок да куры. Двоюродница Катерина присмотрит.

Избранник Елены оказался человеком степенным, обходительным. Алексеем зовут. Работает мастером на стройке. Дай Бог ему и Елене согласия и здоровья.

Домой Валентина Васильевна вернулась вместе с Олењкой. Пусть с месячишко поживет в деревне, молочка похлебает. А то вон какая прозрачная — «зауморок», как раньше говаривали.

...Возле соседей застремотал трактор. Лесник Мишуха Лебедев собирался на работу.

С трудом переставляя непослушные ноги, Валентина Васильевна подошла к ходикам, потянула гирьку, легко толкнула маятник.

Часы ожили...

Скромные проводы

Смею утверждать, что дни, проведенные в Гаграх или Сочи, все-таки не заменят дней отпуска в родной деревне, где ешь, спишь и работаешь с наслаждением. К тому же каждая половица и каждая другая малость напоминают о невозвратном детстве.

...Скрипнула дверь комнаты, в которой я «почиваю», вошла мама, сказала:

— Аркадия Шилова отправляют в дом престарелых. Пойду, провожу.

Я тоже поднялся поспешно, наскоро умылся под рукомойником, накинул пиджак на плечи и вышел на улицу.

Возле дома Шилова топтались пенсионеры. У покосившегося забора урчала незнакомая легковушка.

Я подошел к ожидающим.

...Вспомнил, как когда-то давно в один из весенних дней мы, ребятишки восьми-двенадцати лет, сбивались ватагой и шли по деревне, собирая «кресты». Хозяйки встречали нас у порога, щедро одаривали свежей стряпней. Иные старушки приговаривали: «Берите, берите, поминайте раба божьего...»

К Шиловым тоже планировался наш заход. Супруги эти пользовались «почитанием». Он — механизатор, она — телятница. Но жили они нелюдимо. И мы с какой-то опаской приближались к подворью Шиловых, хотя очень аппетитные запахи доносились оттуда. Я первым смело шагнул в сенцы. Накануне приобретенная у геологов мордатая собака зло приветствовала меня. Пришлось улепетывать. Не один я пострадал от этой собаки...

Как-то по осени (я в тот год уже пошел в армию) Марья волокла мешочище картошки с колхозного поля и надорвалаась. Чего бы ей так надрываться, детей-то у Шиловых не было.

Быстро угласла тетка Марья. Мне в армию писали, что похоронили ее, а дядя Аркадий запил да в короткое время нажитое и размотал. Горькая у него получилась старость.

...Грузно спустившись по лестнице, он вышел из дверей терраски. Его поддерживал за локоть председатель сельсовета. Кто-то из женщин не выдержал, начал всхлипывать. Некоторые сердобольницы совали в руки и в карманы стеганого пальто старика Аркадия Дмитриевича снадобье и денежную мелочь.

— Не требуется... государственное обеспечение... забота... — прорывался голос председателя.

Хлопнула дверца, и машина рванула с места. Видно было, как Дмитрич закрыл лицо руками.

Трамплин

Восьмиклассник Вовка Репин — известный в ребячьем миру бахвал. В очередной раз рассорившись с мальчишками, он от нечего делать соорудил под горой возле деревни большущий трамплин и опробовал его.

Ровесники Вовки из-за принципиальных соображений не проявили к трамплину никакого интереса. А ребятня помладше на творение рук Вовки решила все же посмотреть.

— Ого! — не сдержал кто-то из них удивленного взглаза.
— Тут запросто голову свернешь.

Вовка с самодовольным видом обратился к ребятам:
— Ну, пацаны, кто рискнет?

Рисковать без нужды никто не хотел. Вовка пренебрежительно скривил губы:

— Слабаки-и-и!

Чуть помедлив, он вытащил из кармана куртки битую-перебитую хоккейную шайбу.

— Приз самому смелому.
И опять желающих совершить прыжок не нашлось. Но Вовка не отступал:

— Даю на неделю свои лыжи тому, кто не сдрейфит.

Надо сказать, что лыжи у Вовки были отменные: красивые, легкие. Их Вовке привез из Мурманска его дядя.

Мальчишки не поддавались и на этот соблазн.

— Трусы, дохлятики, — куражился Вовка.

И тут из ребячьей ватаги послышался звонкий голосок:

— Я прыгну!

Выражение злого торжества разом слетело с Вовкиной физиономии. От ребячьей стайки отделился плотный парнишка — пятиклассник Серега Степанов. Он поднялся на гору, постоял там немного и, скаввшись в ком, сиганул вниз.

Приземлился Серега не очень удачно. Нелепо взмахнув руками, грохнулся на снег. Его шапка лохматой черной собачонкой метнулась в сторону. К Сереге поспешили ребята, помогли ему подняться. Подошел сникший Вовка, нехотя протянул лыжи.

— Держи. Уговор дороже денег.

Серега повернул к нему мокрое то ли от слез, то ли от расставшего снега лицо, бросил неприязненно:

— Иди гуляй со своими лыжами, понял!

Вовка от неожиданности не нашел, что и сказать.

Осторожно ступая на ушибленную ногу, Серега двинул-ся к деревне. Его друзья направились следом, оставив Вовку одного.

Случай из детства

...Вспоминается дождливая осень, табун понурых лошадей на дороге.

В деревне от мала до велика знали, что гонят их на мясокомбинат. Люди стояли возле калиток и хмуро взирали на тягостное шествие.

Погонщиков остановила надвигавшаяся темнота. А ночью несколько лошадей, преодолев сделанную на скорую руку изгородь, ушли на волю.

Их искали, но безрезультатно. К поискам подключили школьников. Никто из них особого усердия в этом деле не проявил.

Шло время, а лошади так и не находились. По деревне прошел слух, что они будто бы спрятаны неизвестными лицами.

Наступил день, когда к нам, шестиклассникам, вошла классная руководительница Анна Михайловна в сопровождении мужчины в кирзовых сапогах, от которых густо наносило дегтем. Рядом с ним гордо стоял наш одноклассник Генка Горохов.

Мужчина откашлялся.

— Ваш товарищ, — он посмотрел на Генку, — ваш товарищ нашел сбежавших из табуна лошадей. Давайте же поблагодарим мальчика за благородный поступок.

Мужчина захлопал в ладоши.

Класс безмолвствовал.

— Ну что же вы? — с вымученной улыбкой произнесла Анна Михайловна.

— Предатель! — вдруг суровым приговором Генке прозвучал с задних рядов мальчишеский голос.

Мужчина пожал плечами, взглянул недоуменно на учительницу и пошел к выходу.

Поклон

В деревне разбирали старую избу. Лет восемь никто не жил в этом покосившемся, вросшем до окон в землю строении.

Студенты-стройотрядовцы с шутками, смехом валили стропила, взламывали топорами ветхие от времени балки. Полуистлевшие бревна глухо падали на пожухлую траву.

Лишь в конце работы кто-то обратил внимание на сухонькую, низкого роста старушку с узелком в руках, стоявшую поодаль. Она была в черном платке и такого же цвета юбке.

К пришлице направился один из парней, хотел что-то спросить, но, заметив на ее морщинистых щеках слезы, смущился и свернулся в сторону.

Старушка низко поклонилась сложенным в штабель бревнам с развалившимися венцами и медленно зашагала прочь по пыльной дороге.

Разведчик

Неприятельский штаб Серега Привалов обнаружил в молодом березняке, обступившем с двух сторон колхозную конюшню.

Разведчику удалось узнать о коварном плане противника — напасть на «флот», которым командовал старший Серегин брат, шестиклассник Борька. «Флот» состоял из пяти плотов и был гордостью деревенских ребятишек.

Может быть, разведчик узнал бы и больше, но сук, на котором он так удобно устроился и слушал разговоры находившихся в штабе, предательски треснул и обломился. Из кустов выскочила неопределенной масти собака, громким лаем подняв тревогу.

Серега долго уходил от погони. И лишь только преодолев колючие заросли шиповника на берегу и перейдя вброд речку Широкушу, он не услышал возбужденных ребячих голосов. Но позволить себе отдохнуть разведчик не мог. Друзья, посылая Серегу на задание, просили спешить на обратном пути, обещали дождаться и только тогда решать, как действовать дальше. Дело в том, что в начавшейся три дня назад военной игре с ребятами из соседней деревни им приходилось нелегко.

Серега с трудом перевел дыхание, спустился в глубину мрачного, заросшего крапивой оврага, где прятался его штаб. Но там

никого не оказалось. На пологом склоне подгребал сено пенсионер Федор Макарович.

— В деревню дружки твои подались, — не прерывая работы, объяснил он парнишке. — Прослышали, что фильм новый в клуб привезли. — И добавил, присаживаясь перекурить: — Про разведчиков фильм-то. Торопись, Сергей, а то опоздаешь.

Сереге от досады и обиды на товарищей захотелось заплачать, но, понимая, что это будет позором для разведчика, он осторожно ступил на ногу, ушибленную при падении с дерева, и направился к деревне.

Прощание

Студенты покидают деревню, в которой квартировали во время сельхозработ.

Недалеко от готового к пути автобуса стулится рослый парень в потертых джинсах. Рядом с ним зябко кутается ввязаную кофту девчонка лет шестнадцати.

— Ты напишешь? — робко спрашивает она.

— Постараюсь, — уклончиво отвечает он.

— А приедешь?

— Договорились ведь.

Она виновато опускает голову.

Шофер длинно сигналит.

— Ну, я отчаливаю, — говорит парень, закинув за спину торщий рюкзак, и не оглядываясь шагает к автобусу.

У девчонки вздрагивают губы, так и не дождавшиеся прощального поцелуя...

Видик

Екатерина Степановна возвращалась из церкви. Доброго, благостного расположения духа ей хватило только до порога. Жила она у дочки с зятем в районном городе.

В прихожей было накурено — хоть топор вешай. Тканый ею половичок грязной мешковиной валялся в углу.

Из комнаты внука доносился гогот.

«18 лет парню, а не работает и не учится, — подумалось ей.

— В раннее время ребят ссыпалства приучали к труду. Нынешним молодым привола. Батьки с матками прокормят и оденут. На днях Серегин отец купил своему ненаглядному этот самый... как его... «видик». Теперь внук с дружками целыми днями сидят — глазеют. Поди, и не обедал», — побеспокоилась Екатерина Степановна и заглянула в комнату внука, чтобы спросить его об этом. Мельком глянув на экран телевизора, она обомлела. Две девки там творили такое распутство, что и подумать-то стыдно.

Екатерина Степановна схватила стоявший у печки веник. Первый удар она нанесла по широкой спине внука.

— Баб, ты чего? Крыша, что ли, поехала? — заорал тот.

— Я вам покажу крышу, сотоны, похабники, оглоеды, — преисполненная праведного гнева, кричала Екатерина Степановна, охаживая глядильщиков веником по чему попадя.

Вдруг ноги ее запутались в проводах, экран телевизора потух, что-то брякнулось на пол.

...Пришлось Екатерине Степановне добровольно «отстегнуть» почти полпенсии на ремонт внучкова «видика».

А что поделаешь? Внук-то — дурное чадо, да родное.

Пирожки

Воскресное утро. На вершине укатанной лыжами и санками горки стоит, опершись на палки, второклассник Мишка Давыдов. Он уже досыта накатался и теперь посматривает в сторону деревни, откуда давно бы должен появиться его новый приятель Вовка Сорокин. В кармане Мишкиного пальто хранят тепло домашние пирожки, завернутые в газету. Мишке хочется отведать пирожков, но он пока не достает сверток, поджидает друга, чтобы угостить его.

Неделю назад Вовка приехал на каникулы к бабушке из города. Но та неожиданно прихворнула, и потчевать внука вкусной стряпней ей пока было не по силам.

Но его все нет и нет. Мишка не выдерживает и с жадностью набрасывается на пирожки. С трудом одолев последний, он добродушно смотрит на карабкающихся в гору дошкольников.

Взметая снежную пыль, к горке мчится Вовка. Подлетает к Мишке, разворачивает серую оберточную бумагу, на ней румянятся аппетитные... пирожки.

— Мама приехала, — с радостной интонацией в голосе сообщает Вовка. Киваёт на пирожки. — Только что испекла. Держи.

Мишке, стыдливо потупясь, глянул на смеющегося дружка.

Горожанин

Июньским днем учитель Андрей Иванович Сорокин провожал в райцентр dochь Светлану с пятилетним внуком Сергунькой. Сергунька, к явному неудовольствию матери, с восторгом топал по мелким лужицам.

...Андрей Иванович женился на четвертом курсе педагогического института. Избранницей его стала курносая выпускница медучилища.

Распределился молодой учитель-физик в лесной поселок на Унже, недалеко от тех мест, откуда сам был родом. Его жена, «дитя асфальта», долго не могла смириться, что суженый заташщил ее в такую тмутаракань, где, как она выразилась, запросто можно одичать.

...Автобус, клянчнув дверцей, принял новых пассажиров и покатил дальше. А на обочине дороги остался скуластый парень с обветренным лицом.

Андрей Иванович о трудом узнал в приезжем своего бывшего ученика Колю Попова.

— Как поживаете, Андрей Иванович? — спросил Попов, обрадованный неожиданной встречей.

— Жив и здоров... более-менее. В наше время это дорого стоит! — отшутился учитель. — А у тебя-то как дела, Коля?

— Да слышали вы, наверное, про мои дела, — помрачнел парень.

Андрей Иванович вместо ответа согласно кивнул головой.

...Танкист-срочник Николай Попов участвовал в ныне печально известных новогодних боях под Грозным и был контужен.

После «дембеля» он подался в Кострому, снял там квартиру. Армейский друг помог ему устроиться на денежную работу.

Все бы ничего, но проклятая контузия время от времени напоминала о себе дикой головной болью. Как-то Николай вернулся с работы совершенно разбитым. Голову сдавило, словно обручем. Любой громкий звук бил по нервам. А тут, как назло, в соседней квартире невыносимо орал магнитофон. Николай не стерпел, вышел на лестничную клетку и позвонил соседям. Дверь открыла рыжеволосая девица. За ее спиной маячила молодая пара.

— Прошу вас, приглушите музыку, — страдальчески морщась от боли, обратился к хозяйке Николай.

— Да ладно тебе, мужик, — пьяно осклабился на его просьбу розовощекий парень. — Если желаешь, подгребай к нам. Дама вот изнывает от одиночества!

При этих словах он игриво похлопал пухлой ладошкой по тощему заду рыжеволосой. Та развязно вззизгнула.

— В общем, считайте, что я вас предупредил, — закончил Николай короткий разговор с обитателями квартиры и, круто развернувшись, пошел к себе.

Прошло минут двадцать. Музыка по-прежнему сотрясала стены. Николай вновь вышел на площадку и зло утопил в гнезде кнопку электрического звонка. К дверям опять подошла рыжеволосая. Николай решительным жестом отстранил ее с дороги и шагнул в комнату. Без лишних слов он сграбастал парня за шкирку, выволок его на балкон и, казалось, без всяких усилий перевалил обмякшее тело любителя громкой музыки через железное ограждение.

Хорошо, что квартира была на втором этаже. Розовощекий отделался испугом и незначительными ушибами. Но по «факту противоправных действий» Николая долго еще таскали к следователю.

Об этом знал весь поселок.

...За разговорами они миновали бересковый перелесок и вышли на луговину, где паслись коровы. Одна из них, что стояла бли-

же всех к дороге, вдруг перестала щипать траву и уставилась на путников добрыми глуповатыми глазами.

— Андрей Иванович, — вдруг без всякой связи спросил Николай, — а вы помните, как лет десять назад наши ребята возле клуба поцарапались с шабашниками из Кирова? Вы тогда прибежали в домашних тапочках на босу ногу и закричали: «Прекратите безобразие!»

— Закричал первое, что пришло в голову, — улыбнулся учитель. Он, конечно, помнил ту историю. Тем более, что кто-то в пылу драки крепко приложился рейкой к спине неожиданного миротворца.

— Я в армии своему механику-водителю об этом случае как-то рассказал, так тот долго смеялся. «Отчаянный, видать, у вас учитель», — говорит. Ему тогда под Грозным тоже здорово досталось, — погрустнел вдруг рассказчик.

Уловив это, Андрей Иванович поспешил перевести разговор в другое русло:

— А ты домой-то надолго?

— Не получилось из меня горожанина, Андрей Иванович. По ночам снится всякое... Тут как-то вижу сон... будто вместе с батей на Милютинском озере рыбачим... У меня из рук щука вырвалась — обидно до слез. А отец хохочет...

— Чем заняться думаешь? — поинтересовался учитель. — Лесопункт-то наш совсем ведь захирел. В поселке и без тебя безработных много...

— А-а! — махнул рукой Николай. — Руки, ноги целы, голова на месте. Не пропаду!..

За взгорком показались серые крыши приземистых поселковых домов...

Инвалид

Иван Михайлович Рожков отправился в райцентр сдать телячьью шкуру. Доходу от нее, считай, никакого, да старуха проводила.

— Езжай, — говорит. — Хватит у телевизора сиднем сидеть да цигарки смолить.

В здании вокзала, куда он зашел, справив свои дела, было малолюдно. Лишь возле кассы, как сороки, трещали две молодые цыганки.

От нечего делать да и из любопытства Иван Михайлович заглянул в помещеньице при вокзале, где торговали заморскими безделушками, и едва не столкнулся с человеком на протезах.

— Степан! — чуть не сорвалось с его губ удивленное восклицание. Но он вовремя успел сдержать себя, ибо стоящий перед ним инвалид в замызганной фуфайке лишь самую малость походил на друга его далекого детства Степана Лебедева.

...Тогда, в декабре 34-го года, в кузницу, где хозяйничал отец Степана дядя Гриша, явился человек с новостью.

— Кирова убили!

Малограмотный кузнец за звоном наковальни не рассыпал сказалного и, подумав, что речь идет об одном известном забулдыге со сходной фамилией, выпалил:

— Ну и хрен с ним! Достукался, значит!

Слово — не воробей. Кто-то из мужиков, присутствовавших при этой сцене, не замедлил сообщить «о злобной вражеской вылазке» фатьяновского кузнеца в райотдел НКВД.

Григория арестовали, судили, а потом всю семью «врага народа», включая жену и троих детей, отправили в ссылку. Степану к этому времени едва исполнилось 14 лет. Иван был его ровесником.

В сорок втором Рожков ушел на фронт. Командовал расчетом «сорокапятки» — пушки, которую солдаты звали не иначе как «Прощай, Родина».

Ивана дважды ранило. Был он награжден медалями, а солдатскую «Славу» вручил ему лично сам Баграмян.

После войны судьба еще долго мотала Ивана по стране. В пятьдесят пятом он завербовался в леспромхоз под Архангельском.

Как-то горластая ватага «покорителей Севера» нахлынула в пристанционную чайную. Там, в затемненном уголке, припав лохматой шевелюрой к мехам видавшей виды гармошки, неважнецки одетый человек без ног выводил унылую мелодию.

Я сижу в одиночке
И плюю в потолочек.
Пред людьми я виновен,
Перед совестью чист...

В нем-то тогда Иван и признал своего друга детства, исключне обрадовался:

— Здорово, Степан!

Инвалид в ответ осклабился щербатым ртом:

— Ванюха, ты, что ли? Каким ветром тебя-то сюда занесло?.. — Клавдия, Клаш, — по-свойски обратился он к буфетчице, — отоварь. Корешка вот старинного нежданно-негаданно повстречал.

Пышнотелая бабенка в несвежем переднике, зло зыркнув в сторону не в меру расшумевшейся братии, бухнула на середину заваленного рыбными объедками стола бутылку водки.

Степан сноровисто откупорил ее, плеснул в стаканы и, чокнувшись с другом, вместо тоста тонким голосом дурашливо прогрел: «Разлейся, влага небесная, по периферии телесной...»

Разговорились. Оказалось, что Степан всю войну за воровство «мотал» очередной срок. Вышел — решил «завязать». Устроился плотником в Череповце. Женился. А вскоре жена его спуталась с одним бухгалтером.

В сорок девятом Степан по пьянке угодил под поезд и лишился обеих ног. О судьбе своих родных ничего не знал. Так и тащила его жизнь по ухабам да кочкам.

...Вспомнив все это, Иван Михайлович выгреб из кармана деньги, вырученные за шкуру, и сунул их в заскорузлую ладонь инвалида.

Встречи — расставания

Ноябрьским утром механизатор Пашка Екимов ввалился в избу пенсионерки Клавдии Григорьевны Веселовой. Тяжело опустился на лавку, сипло выговорил:

— Григорьевна, похмели!.. Башка на части раскалывается.

Григорьевна остановила взгляд на осунувшемся, небритом лице Пашки, запричитала:

— Опять вчера налакался... Пожалей матку-то, остыпенись...

Пашка несильно ударил ребром ладони по столешнице.

— Ну будет тебе, Григорьевна! И без твоих речей тошненько. А выпил у Николая Михайловича Демина — Молчуна. На пенсию его провожали.

— Батюшки светы! — удивилась старушка. — Я ведь Молчуну парнишкой помню. Еще без портока носился...

С этими словами она убралась за перегородку, оттуда вернулась с темной бутылью, заткнутой туго свернутой красной тряпичкой. Пашка жадно выпил полкружки самогона, облегченно крякнул и хрустнул огурцом.

Закусив, гость Григорьевны потянулся за сигаретой.

— Йди-ко, иди со своим куревом на волю, там смоли, — остановила его намерения Григорьевна.

Прежде чем уйти, Пашка помялся у порога.

— Заглянула бы ты к матери-то... Лежит... не встает...

По весне между Григорьевной и матерью Павла произошла размолвка. Григорьевна пустила в свой дом переночевать пришлых людей, коих ныне немало сорвалось с насиженных мест и колесит по белу свету в поисках пристанища.

Григорьевна карточечки отварила, капусту, грибки соленые выставила на стол для незваных гостей...

Анна, мать Пашки, явилась к ней с выговором :

— Слишком ты сердобольна, подруженька. Приветаешь всех встречных-поперечных... Достукаешься, очищают они тебя когда-нибудь до ниточки.

Григорьевна вспылила:

— Тоже мне нашлась прокурорша... Сама знаешь, не скопила я богатства, чтобы его лишиться. Какое богатство при вдовьей-то доле... Совсем молоденькой схоронила своего муженька. Верно молвят, что лучше семь раз осиротеть, чем раз овдоветь... Потом ломила за троих, старалась, чтобы сын с дочкой в тепле-сытости росли, чтобы взрослых почитали, себя не срамили. Оба сейчас в городах на хорошей работе... Ты, Анна, за своим покойным Иваном многие годы как за каменной стеной жила... А что в результате? Кому ваше добро достанется? Пашке? Да он в два счета его за вино спустит.

Когда Анна покинула избу, рассерженно хлопнув дверью, Григорьевна расстроилась. Зря она брякнула насчет Пашки-то. Закадрил он одну девчонку в Подольске, где работал после армии. Поженились, дочку родили. Жить бы да радоваться, но не тут-то было, не получилось у молодых семейного союза... Как-то Пашка застал свою ненаглядную в чужих объятиях. Потом он запил, бросил все и махнул в родную деревню.

Григорьевна закрыла дверь избы и направилась проводить больную... Анна, увидев ее, разомкнула свои бескровные губы и сдавленно проговорила:

— Оттопали, видно, мои ноженьки по белу свету, дорогая подруженька...

— Ну полно, полно хоронить себя раньше срока, — попыталась успокоить ее Григорьевна.

— Клаш, ты помнишь, как мы с тобой на гулянку-то в Усо-

лье вырвались... Я тогда с плата в воду свалилась, а ты меня хвать за косу и вытащила... Косы-то у меня были дли-и-и-нны!

... На терраске курил Пашка.

Григорьевна поинтересовалась:

— Ты Нинухе-то, сестре, сообщил, что мать плоха?

— Сегодня вечером прибудет московским поездом, -отозвался Пашка. — Я с Деминым насчет машины договорился. Поеду встречать.

... Григорьевна брела домой. Морозило. На столбах уныло гудели провода.

Вспомнился вчерашний разговор баб в магазине. Кто-то сказал, что нынешняя зима будет суровой, не в пример прежним. А у нее, Григорьевны, и дров-то припасено на зиму с «гулькин нос». Придется обращаться к Пашке за подмогой.

Бывальщина

Как-то я услышал такую вот озорную бывальщину из давнего времени.

Лежит в избе на полатях холостой парень и размышляет о своем житье-бытие. «Вот, — думает, — скоро женюсь». Парень подвинулся, освобождая место для будущей жены... «Пойдут дети, — пришла мысль. — Первым родится сын». Еще подвинулся. «Затем дочь». Опять подвинулся и... грохнулся с полатей на пол.

— Что стряслось, сын? — участливо спрашивает мать.

— Своя семья выжила, — потирая ушибленное место, отвечает сын.

«Окрасился месяц Багрянцем...»

В деревенской избе за столом с поллитровкой водки и нехитрой закусью сидят два человека.

Хозяин избы шофер Николай Кузьмин — крепкий в кости мужик, чубастый, черноволосый. Он в майке. На его руке синеет татуировка — парашют в обрамлении аббревиатуры ВДВ и цифры 79-81.

Колюха второй день холостякует. Его жена Татьяна отправилась в Кострому проведать дочку — первокурсницу университета.

Собеседник Колюхи — Павел Васильевич Степанов. Это старик с морщинистым, но чисто выбритым лицом. Он облачен в светло-синюю рубаху.

Павел Васильевич пришел к своему соседу с «отвальной»: он уезжал на зиму к дочке в Галич.

Старик не спеша говорил:

— Приснился мне этой ночью капитан Сергеев. Он в войну остатки нашего батальона из окружения вывел. «Как, — спрашивает, — твой боевой дух, рядовой Степанов? Тяжелое сражение ожидается — не подкачай...» Думаю, Колюха, неспроста мне этот сон привиделся... Восьмой десяток стукнул — пора и честь знать. Жизнь вот прожил — не заметил и как ... Хватило нашему поколению лиха под самую завязку... Вам, молодым, наши беды-горести и не снились...

Лицо Колюхи посуворело.

— Вот тут ты не прав, Василич. Кое-чего и мы на своем веку повидали. Был у меня во время службы в Афгане дружок — Толик Иванов. Пермяк. Под Кандагаром крепко мы «духов» прижали. В одном бою душман-смертник бросился на позицию Толика с откоса. В каждой руке по гранате... После гибели Толика мне с месяц кусок в рот не лез...

Колюха выдержал паузу и продолжил:

— Взять сегодня хотя бы ту же Чечню. Там наши пацаны не в казаки-разбойники играют...

Старик на это вдруг заговорил с горячностью:

— На той войне мы знали, за что в бой шли... Де-е-мократии, вишь, вам захотелось... Развели в стране бардак... Поднять бы сегодня Иосифа Виссарионьча. Он бы кой-кого поставил на правеж...

Колюха не захотел углубляться в дискуссию со стариком и перевел разговор на другое:

— Когда за тобой зять-то обещал прибыть?

— Завтра к обеду прикатит, не опоздает, — мрачно ответил Павел Васильевич и добавил: — Чую, Колюха, не пережить мне эту зиму в чужом месте.

— Не нравится мне твое настроение, Василич. Мы еще с тобой посидим рядом да поговорим ладком. А сейчас давай-ка споем, как вы с батей моим покойным певали.

Колюха затянул:

Окрасился месяц багрянцем,
Где море шумело у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя не катал.

Василич стал подпевать. Голос у него был не по-стариковски сильный и звонкий.

Содержание

М.Базанков «Жизнь — это все-таки то, что всегда...».....3

РАССКАЗЫ И ЭТЮДЫ

Молодые были.....	10
Сердечная недостаточность	12
Возвращение	15
Камень	18
Браконьер	22
Гость	24
Бабка Нюра	27
Фотоаппарат	30
Крендель	33
Соседи	35
Родительский день	37
Поминальная трапеза	41
Братья.....	45
Беда	48
Квартирант	49
Письмо	51
Фольклорная практика	54
Генаха	57
Крест	59
«Забастовка»	60
Обида	64
Колодец.....	66

Папаня	68
«Духарик»	70
Ходики	72
Скромные проводы	73
Трамплин	76
Случай из детства	77
Поклон	78
Разведчик	79
Прощание	80
Видик	81
Пирожки	82
Горожанин	84
Инвалид	87
Встречи - расставания	89
Бывальщина	91
«Окрасился месяц багрянцем...»	92

Александр Хлябинов

ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРАКТИКА

Издания Костромской областной писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:

156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская областная писательская организация.

Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Телефоны: 31-21-09, 31-35-02

Общее и художественное
редактирование — **М.Ф.Базанков**

Редактор — **Е.А.Разумов**

Оформление, коллажи — **М.Ф.Базанков**

Корректоры — **Н.Т.Перетягина, Е.А.Разумов**

Оригинал-макет — областная писательская
организация

Издатель и автор благодарят за долевое финансирование
издания администрацию г.Мантурова и генерального
директора ОАО «Мантуровский фанерный комбинат»
Морозова И.В.

Сдано в набор 27.06.2000г.

Подписано в печать 18.07.2000г.

Заказ №3522. Тираж 999 экз. Печать офсетная.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького

Департамента по делам телерадиовещания, печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.